

Петр Немировский

ВИЗАНТИЙСКИЙ ДВОР

Повесть

Глава 1

– А поворотись-ка, сын! Экой ты красивый какой! Ангел, да и только! – такими словами встретил Влад своего сына Матвея, вышедшего из церковной пономарки.

На восьмилетнем Матвее блестел стихарь, узорно расшитый по всей ткани серебряной ниткой. Свободно и величаво ниспадали широкие рукава, достигающие Матвею едва ли не до самых запястий, серебряный кант возлежал на плечах и на груди, янтарный шарик-пуговка был застегнут сверху серебряной петелькой.

Матвей, худенький и высокий, по велению отца послушно повернулся. Его лицо сияло неслыханным удовольствием. Еще бы! Сейчас все в церкви смотрели на него в этом новом облачении, мечтать о котором может не каждый.

Жаль, правда, что среди них не было Виктории, недавно предложившей ему стать его герлфренд. Такое предложение застало Матвея несколько врасплох и, растерявшись, он отказался. Но это никак не испортило их отношений: вместе они продолжали играть в церковном дворике, собирали в тамошнем саду жуков.

Впрочем, было очень рано, служба не началась, Виктория еще могла сегодня появиться в церкви со своей мамой. В любом случае – раньше или позже – она увидит его в этом сиянии. Он ведь теперь – алтарник.

В алтаре, по словам родителей, парят ангелы. Сонмы, тьмы ангелов! Они, подобно стае чаек, кружат в дымном, сизовато-серебристом от каждения воздухе, помогая священнику служить Богу. Теперь их полку прибыло – влился и Матвей в их небесное воинство.

Ножки его, кривоватые, вытянувшиеся за последнее лето, от самых коленок выглядывали из-под края стихаря.

– Вы в следующий раз, пожалуйста, наденьте ему длинные штаны, а не

шорты. Нужно, чтобы у алтарника и руки, и ноги были прикрыты, – важно попросил Влада Савва, подросток лет тринадцати, тоже облаченный в стихарь.

Савва был сыном дьякона, прислуживал в церкви уже не первый год. То ли по поручению отца-дьякона, то ли по велению своего серьезного сердца, решил взять шефство над новопоступившим «ангелом» Матвеем.

– Конечно-конечно. В следующий раз обязательно наденем ему и брюки, и рубашку с длинным рукавом. Я же не знал, что сегодня он начнет помогать в алтаре, – извиняясь, ответил Влад. Голос его звучал серьезно, без тени иронии.

Какая уж тут ирония! Сын – вдруг, в мгновение ока, после неожиданных слов священника: «Скажи своему Матвею, пусть сейчас облачится в стихарь. С сего дня будет мне прислуживать», – простенький мальчуган в шортах и рубашечке – явился в одежде, от которой глаза слепит, как от яркого солнца.

И вышел переоблаченный Матвей подобающим образом. Отозвалось сердце ребенка, услышало, восприняло необычайность и важность случившегося. Вышел неспешно, не оглядываясь по сторонам и не шаркая по полу ногами, не рассеянно и не мечтательно. А вышел чинно, важно и в то же время тихо, ровно, с достоинством. Как и подобает всякому алтарнику, какого бы возраста он ни был. Ибо нет у ангелов возраста. Есть только свет.

xxx

После службы Влад с Матвеем возвращались в машине домой. Ехали быстро, дорога была чистой, лишь в нескольких местах возникли небольшие заторы. Влад задавал сыну вопросы, давая ему возможность выговориться, высказать увиденное и пережитое в новой своей ипостаси.

– И что же, сынок, там, в алтаре, делают? Молятся?

– Да, папа. Иногда кладут поклоны, иногда сидят. Но в основном стоят.

– Что же, и тебе пришлось всю службу – почти два часа – стоять? Наверное,

было трудно?

– Да, нелегко. Один раз мы начали с Саввой переговариваться. Но священник сделал замечание, и я уже потом все время молчал, – признался Матвей.

Говорил он то на своем родном языке – английском, то на русском. К некоторым церковнославянским, интуитивно угадывая их отличие от обычных русских слов, добавлял еще и окончания «ас». Порой звучало забавно: «просфоркас», «кадилас», «святая водичкас».

– А что делает в алтаре священник?

– Ну, разрезает на столе ножом просфоркас. Потом поднимает руки над Чашей.

– О-о, это очень важный момент службы, сынок. В этот момент даже ангелы закрывают свои лица крыльями, так им страшно. Потом все они веселятся и ликуют, потому что Бог пришел в мир, к нам... – сказал Влад и, нажав легонько педаль газа, добавил скорости.

Странное дело – всегда, когда возвращаешься из церкви, машина по шоссе – летит. Влад себя чувствует за рулем легко, спокойно. Едет под семьдесят миль в час, но не оттого, что лихач, не из глупого желания показать удаль за рулем. Незачем ему лихачить на шоссе, с восьмилетним сыном на заднем сиденье. Но после церковной службы он всегда как-то особо чувствует дорогу – отлично видит все, владеет ситуацией. И летит его машина, шелестя шинами по асфальту. Летит. Ш-ш-ш...

Матвей, с ногами на сиденье, складывает пластмассовый конструктор «Lego». Из разноцветных кусочков собирает что-то. Пока еще сам не решил – лодку или самолет.

– Папа, а знаешь что? – спросил он в своей манере, немного нараспев.

– Что?

Матвей на миг нахмурился. Много разных вопросов и мыслей носилось сейчас в его голове. Вот, скажем, не было сегодня в церкви Виктории, не пришла. Когда во время службы он выходил из алтаря, неся высокий белый подсвечник с пылающим вверху огоньком, то ожидал увидеть Викторину. У нее один передний зуб еще не вырос, и когда она улыбается, то улыбка ее зияет дыркой. Если бы сегодня она увидела его, в серебристых одеждах, – умерла бы от зависти. Все ее юбки и футболки с блестками, и цепочка, и сережки, и даже иногда покрашенные ногти – ничто по сравнению с красотами облачения алтарника, несущего зажженную свечу... Но не пришла сегодня Виктория в церковь. Не пришла.

Еще Матвею хотелось признаться папе, что не видел он сегодня в алтаре ангелов. Хоть и папа, и мама уверяли, что там, как ни в одном другом месте, ангелов – легионы. Но ни одного настоящего ангела не видел там Матвей. Да, было там множество ангелов, нарисованных на стенах: они толпились вокруг трона, на котором восседает старик-Бог, направляли в невидимых врагов копья и огненные мечи, закрывали крыльями свои лица. Трубили в длинные золоченые трубы.

Когда папа Саввы, дьякон, размахивал кадильницей, то на миг в тех плавающих дымах заволкло и нарисованных ангелов. Матвею почудилось, что всё вокруг как бы приподнялось над землей и поплыло куда-то. И ангелы на стенах тоже сдвинулись со своих мест, устремившись ввысь... Но дымки эти вскоре рассеялись, и все оказались на своих прежних местах. Еще и другой алтарник – Макс, стоящий рядом, почему-то так громко вздохнул, что Матвей окончательно спустился с небес на землю. И... сразу же вспомнил о компьютерной игре DSI, о которой хотел разузнать у Макса. Макс был старше Матвея аж на два года.

Одним словом, не видел он в алтаре настоящих ангелов, ни одного. Однако Матвей и мысли не допускал, что родители его обманули или посмеялись над ним.

В свои восемь лет он уже был достаточно взрослым для того, чтобы понять

одну важную вещь: когда речь идет о Боге, то все происходит несколько иначе, нежели в обычной жизни. Всё как бы и взаправду, но и не совсем. Вернее, правда тогда другая, не такая, как в школе или в парке, где он играет с приятелями. В церкви, в книгах о Боге и святых – глазу не всё видно. Оно, невидимое, существует, но его нельзя потрогать.

А еще Матвею не давал покоя один очень важный вопрос: заслужил ли он, став алтарником, чтобы по дороге домой на 5-м выезде с шоссе они свернули направо, а не налево, и ненадолго заскочили в магазин игрушек, Toys “Я” Us, где Матвей не был целых три недели?

– Да, сынок, сегодня ты заслужил, чтобы мы пошли в твой любимый магазин, бесспорно, заслужил, – промолвил Влад, угадав мысли сына, и рука ребенка, вдавливающая в углубление пластинку конструктора, дрогнула. – Но сначала давай позвоним маме, узнаем, как она себя чувствует. А о том, что ты сегодня прислуживал в алтаре, дома ей скажешь сам. Жаль, что она не видела тебя сегодня в церкви.

Влад достал мобильник. Поговорил с женой.

– О`кей, дружок, маме вроде бы получше, температура упала. Едем в магазин.

Машина мчалась по шоссе, минуя дорожные указатели, обгоняя другие автомобили. Влад посмотрел в зеркало заднего вида – как там сын. Все в порядке – сияет.

Сегодня, когда Влад увидел сына в стихаре, с зажженной свечой в руках, у него на глазах блеснула слеза. Такое событие! Казалось, только вчера принесли его из госпиталя, завернутого в пеленку...

– Папа, а знаешь что? – Матвей имел привычку с этой фразы начинать свою речь, о чем бы и какого бы рода она ни была. – Включи музыку – «Роллинг Стоунз» или «Квин».

Через минуту в салоне машины зазвучал рояль, аккомпанирующий великому Фредди Меркьюри. Грянули ударные, брызнули своими переборами гитары.

– We will, we will rock you!..

Оба – отец и сын – стали подпевать солисту «Квин». Сначала вполголоса. Но, вскоре забыв, что это не урок музыки, Матвей перешел на полный голос. Влад не хотел заглушать ни сына, ни замечательного вокалиста рок-группы. Когда же настало время припева и потребовалась вся широта сердца, Влад тоже повысил тон, вдохнул поглубже....

И оба грянули в два голоса, на весь салон, заглушая и ударные, и клавишные, и струнные:

– We are the champions, my frie-e-end!..

Машина долетела до 5-го выезда и свернула направо, к магазину.

Глава 2

На вечерней службе в полупустой церкви как-то тише и таинственной горят лампы, отблески перекатываются по старым серебряным окладам икон. У стены на скамеечке сидит жена священника, задумчиво склонив голову в старомодной шляпке. На клиросе не так часто поют – больше читают псалмы.

Мысли потихоньку собираются в одну точку. Самые важные мысли, а таких, пожалуй, не так уж и много. Но в суете будней они – самые важные – как-то быстро забываются. Жизнь повседневная заполнена всякой трухой...

И вот, стоя на вечерних службах, Влад все чаще стал припоминать одно и то же – из прошлого, далекого прошлого, что к его сегодняшней жизни, казалось бы, не имеет никакого отношения.

Сегодня у него дел и забот – пруд пруди. Работа библиотекаря пусть и не слишком напряженная, не изнуряющая, все равно требует внимания. Еще –

заочная учеба на степень доктора истории в университете Кентукки. Диссертация. Семья, конечно, воспитание сына. Родители – его и Галины – сами пока справляются, но стареют, все больше нуждаются в помощи. Словом, забот житейских хватает. И, казалось бы, незачем себе теребить душу воспоминаниями о своей беспечной юности в Киеве.

Но что же делать? Куда же деть те проклятые мысли о прошлом? Долго дремавшие под спудом, они вдруг проснулись, восстали в душе. И не оставляют.

И не оставят, пока не посмотришь на них спокойно и твердо, без стыда и всякой боязни. И только тогда сможешь понять: или это отголоски прошлого, канувшего навеки, или же часть настоящего, которое несешь в своем сердце долгие годы, через всю жизнь.

Ага, вот откуда они, эти мысли, – из Евангелия. История Иуды. Вот что навеяло Владу воспоминания, которых он так долго стыдился и избегал. Иуда. Предатель. Страшное слово! Страшное преступление – предательство, страшнее нет. И страшны муки души человеческой, предавшей кого-то. И страшно отчаяние отступника.

Все годы после того случая Влад жил с чувством, что он – предатель. И потому в глубине души никогда не уважал себя и не верил себе. Знал о себе: человек он ненадежный.

Предал не за деньги, а из трусости. Впрочем, какая разница? Суть предательства от этого не меняется.

xxx

...В Киеве у него были друзья детства, отрочества и юности – Юрка и Сашка. Вместе росли в одном девятиэтажном доме.

Они жили в районе, ныне называемым Голосеевским, но прежде – Московским, а еще раньше – Сталинским. Район был не центральным в городе, но

и не окраинным, сплошь окружен ярами да рощами.

Все втроем – Влад, Юрка и Сашка – ходили в одну школу. Ловили бабочек и стрекоз, собирали пчел в банки, надеясь получить от них мед. Праздновали дни рождения. Когда подросли, посещали яхт-клуб на Днепре. Приглашали девчонок из школы или со двора к себе домой на вечеринки, когда чьи-то родители уходили в гости или в кинотеатр. Начали пить – сначала винчик. Сашка всем алкогольным напиткам давал ласкательные названия: винчик, портюшок, сухарик.

Сашка питал слабость к алкоголю. Никогда так ласкательно не называл ни одну девушку, как бутылку вермута или водки. Он и пил всегда больше, чем Юрка с Владом, а пьянел меньше их. Вот змей. Любил он, когда булькает из бутылки, так радовался, что, казалось, это не из бутылки, а из сердца Сашкиного выбулькивает радость.

Сашка часто приносил во двор, в их дружную компанию, новые словечки из лесу. Неподалеку от их дома раскинулся Голосеевский лес с многочисленными ручьями да озерами. Там были места благоустроенные для отдыха и развлечений: лодочные станции, карусели, кафе. Но были и места дикие, глухие, где собиралось хулиганье и блатари с округи. Там пили водку, дрались, дрессировали своих овчарок, делились последними новостями о том, чей брат или друг сел в тюрьму и на какой срок. Словом, в том лесу было настоящий разбойничий вертеп, где среди мужчин вертелись и подростки.

Вообще-то Сашка изначально должен был ходить не в те бандитские места, а в музыкальную школу. Школа тоже находилась в Голосеевском лесу, к ней прямехонько, между молодых дубков и сосенок, вела асфальтовая дорожка от троллейбусной остановки. Сашка брал там уроки игры на фортепиано и сольфеджио.

Родители его были не из интеллигентов: тетя Надя работала обычным бухгалтером в трамвайно-троллейбусном депо, отец токарем, и по возрасту уже

вышел на пенсию. Сашка у них был поздним ребенком. Жили они бедно, отец Сашки к тому же пил. Вряд ли сами отдали бы сына «на музыку», но у Сашки была «боевая» тетка, сестра его матери. Большая общественница, она заседала в разных местных советах и комитетах, своих детей не имела, вот и голубила племянника, как родного сына. Устроила его в музыкальную школу, надеясь, что в будущем он пойдет в консерваторию, а потом станет вторым Рихтером или Шостаковичем.

У Сашки и вправду был исключительный музыкальный слух. Но душа его слышала не только волшебные звуки фортепиано. Годам к четырнадцати Сашка, выходя из троллейбуса, почему-то шел не по прямой асфальтированной дороге в ту чудесную музыкальную школу, а стал частенько сворачивать влево, где в мураве вилась узкая тропинка. Оказалось, что в его большой папке из плотного картона между нотных листов очень хорошо умещается бутылка портюшка, которую он нес туда, за зеленую горку, где собиралась блатная малина. Находиться среди хулиганов в душегрейках и с овчарками Сашке почему-то нравилось больше, чем среди одаренных мальчиков в чистых костюмчиках в музыкальной школе.

Музшколу он все-таки с горем пополам окончил, хотя в последний год появлялся там крайне редко. Но ни о какой консерватории, к великому огорчению Сашкиных родителей и его всемогущей тетки, и речи быть не могло. Да и в обычной средней школе Сашка учился из рук вон плохо. В последний год после третьей четверти даже был вынужден уничтожить школьный журнал с оценками, где напротив его фамилии – Демин – почти по всем предметам стояли двойки. Журнал утопили в общественном сортире, неподалеку от школы. Юрка и Влад учились в параллельном классе, но Сашке помогли провести операцию по похищению журнала из учительской и уничтожению оногo. Ведь они – друзья, а друзья должны один другого выручать.

Так вот, из того самого леса, где гуляли соловьи-разбойники, Сашка

приносил во двор, в их компанию, блатные словечки и приклатненные замашки.

Его отец, дядя Витя, когда-то сидел в тюрьме. Несмотря на преклонные годы и на то, что много пил, мужик он был все еще крепкий, нрава крутого. Когда узнавал, что сын снова прогулял урок в музыкальной школе или когда из обычной школы поступали жалобы (мол, не учится, еще и курит за забором), дядя Витя хорошенько давал Сашке по шеям, приправляя экзекуцию суровым воспитательным словом. Сашка наказание сносил без ропота, зная, что виноват. Отцу он никогда не перечил и очень его уважал.

Совсем иная атмосфера царила в доме Юрки. Его мама, тетя Лена, работала учительницей математики в вечерней школе, а отец, дядя Алеша, в отделе кадров какого-то НИИ.

Вся их квартира была уставлена книжными полками. Книги теснились рядами, от пола до потолка, во всех комнатах, даже в прихожей. Дядя Алеша был настоящим библиофилом, разыскивал раритеты в «Букинистах» и на блошиных рынках. Дома принесенную книгу бережно оборачивал в белую бумагу или целлофан и, присвоив ей номер, ставил на полку, в определенное место.

Книги он не просто коллекционировал, но и читал. Он обладал феноменальной памятью, наизусть знал целые главы из «Онегина», помнил в подробностях многие сцены из романов Достоевского и Толстого.

Их двухкомнатная квартира не могла вместить полчища постоянно прибывающих книг, поэтому часть из них дядя Алеша был вынужден сдавать напрокат, вернее сказать, арендовал помещение у соседей. Не удивительно, что все книжные полки в квартире Влада тоже были заполнены книгами дяди Алеши.

А еще в серванте у дяди Алеши хранились больших размеров альбомы с фотографиями знаменитых западных актрис и просто соблазнительных красоток в бикини. Верхний альбом открывался эпиграммой, сочиненной самим хозяином:

*«Ни от кого я не скрываю и говорю открыто всем,
Что я завел себе гарем и раз в полгода в нем бываю.
В моем гареме стражи нет. Всем, кто войдет в него, – привет!
Но если сердце Ваше слабо, лучше сюда не заходить,
А то начнет оно ходить, как тарантас среди ухабов,
И чего доброго для Вас наступит вдруг последний час!»*

Стиль, конечно, навеян Пушкиным, но очень выпукло отражал натуру дяди Алеши, его тонкий юмор, душевную шаловливость и вкус, чуждый всякой пошлости.

Сердца Юрки, Влада и Сашки в ту пору были сильны, бояться инфаркта им было нечего, поэтому они регулярно «заходили в тот гарем», переворачивая листы с новыми фотографиями пленительных дам. Компьютеры тогда только-только входили в жизнь, эротика и порнография еще была не так доступна для подростков.

По национальности дядя Алеша был татарин, родом из Казани, а тетя Лена – украинкой. Юрка же в своей внешности подобрал черты обоих родителей. В нем была заметна азиатская кровь – в широких скулах и узком разрезе карих, чуточку раскосых глаз. Нос же его был вздернутым, как у матери. Волосы – темно-каштановые, пышные, с естественным отливом; не такие, как у дяди Алеши – черные, жесткие и короткие.

От природы Юрка был гибок и пластичен, как пантера. Одно время занимался спортивной гимнастикой и наверняка при таких физических данных преуспел бы в спорте. Но гимнастика Юрку не привлекала, и он ее бросил. Как оставил и многие другие студии – художественную, театральную, яхт-клуб. У него была кипучая, увлекающаяся натура, в рамках какой-то одной секции ему было тесно. Поэтому он быстро, безо всякого сожаления бросал одно и пробовал другое.

У Юрки было врожденное чувство стиля, вероятно, унаследованное от эстета-отца. От него без ума были многие девчонки в школе и во дворе, а после окончания школы у него сразу появились женщины постарше.

Сашка же подобным шармом не обладал. Черты его лица были невыразительны и грубоваты. Из-за своей мешковатости он получил прозвище Мешок. Сашка был куда проще, чем Юрка. Зато обладал житейской сметкой и проницательностью и, несмотря на свое тяготение к лесному хулиганью, натуру имел незлобивую. Музыкальная школа для Сашки тоже не прошла даром: в Сашкиной душе не только булькали портюшок и вермунька, но и звучали возвышенные сонаты Моцарта и Шопена.

У Сашки дома стояло пианино, купленное теткой. А Юрка приобрел себе гитару. С появлением гитары Юрка сразу понял свое призвание, понял, для чего рожден.

У него тоже был исключительный музыкальный слух, а гитара открыла в нем усидчивость и упорство. Он просиживал дни напролет, осваивая аккорды и гитарные переборы. Рок-музыка отныне в его квартире звучала не смолкая. Из динамиков магнитофона и проигрывателя неслись ураганные мелодии «Роллингов», «Квинов», «Дорз». Ухо самоучки-Юрки улавливало малейшие нюансы игры соло-гитаристов. Он истязал себя до кровавых мозолей на подушечках пальцев, пока не удавалось добиться идентичной игры с оригиналом. Почти не владея английским, на слух разучивал слова песен, а потом исполнял под гитару.

Сомнений не оставалось – во дворе восходит новая рок-звезда, которая воссияет на небосклоне рока в созвездии других мировых – Меркюри, Моррисона и Джаггера. Кстати, внешне Юрка был чем-то похож на Мика Джаггера своей широкой улыбкой и широкими скулами. И артистизмом.

Он попросил Сашку, чтобы тот помог ему с нотной грамотой. Порой они

пытались что-то изобразить вдвоем – Юрка на гитаре, Сашка на пианино. Но Сашкин отец не переносил ни рока, ни поп-музыки, а признавал только украинские народные песни и романсы. Поэтому репетиции не получили ходу, а фортепиано из дома ведь никуда не потащишь.

Влад с Юркой жили в одном подъезде, Сашка – в другом. Как-то повелось с детства, что Влад считал Юрку своим первым другом, а Сашку – вторым. Хотя такое деление было очень условным. Но к Юрке и к его родителям Влад испытывал куда более сложные и разнообразные чувства, чем к семье Сашки.

Родители Сашки – из простых, часто ругались между собой, грубили друг другу. Дома у них было постоянно накурено. Бедненькая обстановка: старая мебель, потертые покрывала на диванах. На фоне этой серости и бытового убожества эдаким аристократом выделялось черное полированное пианино, над которым висела большая фотография в рамке – Сашка-подросток в костюме и с бабочкой.

Так случилось, что отец Влада сошелся с дядей Витей: их объединили рыбалка и любовь к водке. Поэтому отец Влада в доме Сашки был частым гостем.

А вот душа Влада льнула в дом Юрки, уставленный книгами, с тонким запахом лаванды, где открываемая дверца «гарема» издавала чарующий звук, а дядя Алеша собирал свою бессмертную библиотеку.

Ко всему прочему дядя Алеша был еще и шахматистом-любителем, но играл очень сильно. Участвовал в городских турнирах, однажды получил в качестве приза шахматную доску с костяными фигурами, за которой на протяжении многих лет сыграл с Владом, пожалуй, тысячу партий, а то и больше.

Случалось, к ним в гости из Казани приезжал младший брат дяди Алеши. Гость часто с юмором вспоминал, как дядя Алеша когда-то поехал в Киев на три дня на конференцию и не может вернуться обратно вот уже пятнадцать лет. Он говорил на русском, но порой (присутствующие дети ведь знать должны не всё)

переходил на татарский.

Когда в их доме появлялся «татарский» гость, рассказывал о Казанской жизни, звучала татарская речь, Влад видел Юрку несколько иначе. Юрка родился в Киеве, в Казани никогда не бывал. Но в те вечера возникало странное ощущение, что Юркины корни не только в Киеве, но и в Татарстане. Неспроста же он получил в школе восточное прозвище – Багир.

Влад любил дядю Алешу, любил и Юрку. И завидовал ему. Завидовал многому: Юркиной смелости и дерзости, его музыкальным и художественным способностям, успеху, каким он пользуется у девчонок. Словом, всему, всему.

И не то чтобы Влад вовсе не ценил своих достоинств. Но в те юношеские годы желал обладать такими же яркими талантами, которые сулили Юрке славу.

Влад дерзким и отважным не был, хоть и трусом его не назовешь. Гитару себе тоже купил, что-то тренькал, но такого рвения, как Юрка, не выказывал и упоения от игры не получал. За девушками ухаживал, порой небезответно, но таким успехом у них, как Юрка, не пользовался.

В школе Влад учился чуток получше своих друзей. Однако не мог понять, в чем, в какой области лежит его настоящий интерес. Пока однажды дядя Алеша не дал ему прочесть книгу А. С. Норова: «Путешествие по Египту и Нубии».

Авраам Сергеевич Норов – известный русский востоковед, в первой половине XIX века предпринял несколько путешествий-паломничеств по странам Ближнего Востока, Азии и Европы и потом описал увиденное в путевых заметках.

Многое в его рассказах о знаменитых местах древности Владу, правда, тогда было неясно, поскольку от читателя требовалась хоть мало-мальская историческая подготовка. Но Влада сильно впечатлил переданный в книге дух Византийского Востока: развалины гигантских статуй, монастыри в пустынях, дикая природа. Конечно же, больше всего ему тогда понравилось приключенческая часть, где Норов описывает, как охотился на крокодилов, скакал на верблюдах и едва не

потерпел кораблекрушение. Влад запоем прочел все пять томов путевых заметок. После этого просил у дяди Алеша книги только византийской тематики. Его окончательно перестали интересовать все другие предметы. Только история Византии.

Давая Владу очередную книгу, дядя Алеша требовал взамен сыграть с ним еще одну партию в шахматы. Он относился к Владу с большой симпатией, прочил ему светлое будущее.

В это время Юрка в соседней комнате истязал гитару или брал у Сашки уроки нотной грамоты.

– Локти будете себе кусать за то, что выросли такими балбесами, – укорял их дядя Алеша. – Попытайтесь укунить свой локоть, а не достанете зубами, вот так, – для большей убедительности дядя Алеша демонстрировал будущие тщетные попытки Юрки и Сашки укунить свои локти: подносил локти к самому лицу, словно пытаясь укунить их. – Зато мистер Влад (так он шутливо называл Влада) станет большим человеком, профессором истории. А вы, дундуки, будете стоять с гитарой, с протянутой рукой, и просить: «Влад, друг, помоги нам...»

Юрка старался не обращать внимания на отцовские увещевания. Но наступал момент, когда терпение его иссякало или же требовался небольшой перерыв в музыкальных занятиях.

Он снимал гитару и бережно передавал ее Сашке: «Подержи, Сашок». Поднимался со стула и со словами: «Ну, батяня, ты меня достал своими занудными проповедями» – направлялся к отцу, закатывая рукава рубашки.

В этот вечерний час дядя Алеша, как правило, был одет в спортивные штаны и белую майку. Легонько улыбнувшись, вставал с дивана, извинившись перед Владом за вынужденно прерванную партию. И выходил на центр комнаты, огороженной, как боксерский ринг, книжными полками. (Тетя Лена в это время была на работе в вечерней школе.)

И они начинали бутузить друг друга. Дядя Алеша, укрываясь от Юркиных ударов, громко сопел:

– Ах ты, дундукович! Ах ты, шакальмасов! – вставлял свои любимые им же придуманные словечки.

Влад с Сашкой, болельщики, поддерживали то одну, то другую сторону. И оба в душе завидовали, что у Юрки такой отец: их отцы в это время или играли в домино во дворе, или рыбачили на Днепре, или лежали на диване перед телевизором. Или пили водку.

Глава 3

Воспитание детей – занятие весьма хлопотное. Ни покоя, ни отдыха. Одни только переживания: как же дитя справится с водоворотом современной жизни? Как во всем разберется? Ведь должен не обмануть родительские чаяния и надежды. Должен быть и умным, и отличником, и прилежным, и музыкальным, и спортивным. И чтобы не связывался со сверстниками, которые могут дурно повлиять и сбить с правого пути. И чтобы был упорным в достижении цели, и чтобы не сидел целыми днями у компьютера, и чтоб, и чтоб, и чтоб...

Рождаются эти чаяния и заботы в родительской душе с первым криком ребенка на Земле, а может, и того раньше, когда он еще в материнской утробе. Лежит там себе тихонько, в тепле, и горя не знает. Не догадывается еще, бедное чадо, что родители уже крепко задумываются над его судьбой, уже мысленно начертывают жизненные дороги, по которым ему идти.

Так и Влад – мало чем отличался от других родителей, желал Матвею счастья. С тех пор как Матвей встал на ноги и пошел, Влад внимательно приглядывался, стараясь понять, каков же он – его сын? И как его воспитывать?

Сын – красавчик. Когда крестили его, священник взял на руки ребенка,

завернутого в белую пеленку, верхний уголок которой случайно накрыл личико Матвея, и от такого дискомфорта малыш расплакался. Приподняв край пеленки с лица, священник на миг замер:

– Бат-тюшки, какой красавец! Просто писанный Иван Царевич. Хоть в Голливуд отправляй. Такая красота для мальчика – большой соблазн.

Возле них стояла купель – большая металлическая чаша с водой. И опустили в нее раба Божьего Матвея, голяком, головой вниз, только пятки сверкнули...

Красота, конечно, это хорошо. Хотя, с духовной точки зрения, для мальчика и соблазн – быть очень красивым. Но пока Матвей еще слишком мал, чтобы будоражить сердца женщин. Пока его красота милует глаз только родным, соседям и учителям в школе.

Рисунок губ у него – мамин, и разрез голубых глаз – мамин, а русые густые волосы и ровный нос – папины. Худенький, гибкий, ростом чуть выше среднего. Несколько раз Владу и Гале предлагали снять сына в рекламе детских товаров, но Галя не согласилась: лицо ее сына будет на упаковках памперсов или детского противовоспалительного крема – зачем это надо?

Так что пока пребывает Матвей в безвестности. Ждет его красота своего часа.

Как-то постепенно, день за днем, месяц за месяцем, начал Влад замечать в своем сыне многие качества друга Юрки. Нужно сразу оговориться: никаких поворотов сюжета с тайными изменами, где потом вдруг откроется, что папа ребенка – вовсе не тот, кто по документам, а совсем другой дядя – верный папин друг! Ничего подобного в этой истории нет и в помине. Родители Матвея – Влад и Галя, родители и по плоти, и по документам. А Юрка, друг детства, далеко-далеко, в Киеве. Галю в своей жизни видел лишь один раз – на свадьбе, когда она выходила замуж за Влада.

Но явные артистические наклонности, как когда-то у Юрки, Влад все чаще

обнаруживал в своем сыне. Матвей обладал чувством стиля, все в нем дышало артистическим самолюбованием. Устраивал шоу перед зеркалами: с зачесанными назад волосами, в солнцезащитных очках и с детской гитарой в руках. Подергает струны гитары, поорет. Затем примет эффектную позу и воскликнет:

– Суперстар!

Имел ребенок и явные художественные задатки: просто так, от нечего делать, вдруг брал чистый лист бумаги и карандаши, садился к столу и быстро, почти без исправлений, рисовал пестрого попугая или леопарда. В необычном колорите, в правильных пропорциях, с передачей движения.

Отвели его к преподавателю музыки, проверили слух:

– Ля-ля... Ре-ре... А теперь: до-ре-ми. А попробуй еще выше: ля-ля...

У ребенка чудесный музыкальный слух.

Словом, вундеркинд с гуманитарным уклоном. Стали водить его и на музыку, и в студию рисования, и на секцию гимнастики.

Влад будто вернулся в свое детство, словно стал для него Матвей-сын – другом детства Юркой. Влад порой ловил себя на мысли, что как-то странно завидует ему – родному сыну, как когда-то завидовал Юрке. Даже такое проскальзывало в его душе.

Еще, незаметно для себя, стал Влад и «дядей Алешей». Во время игры в шахматы, вдруг прерывал партию, выходил на середину комнаты. Сын тут же радостно спрыгивал с дивана. И они начинали сражаться на кулачки. В боксерской манере дяди Алеши Влад отводил за спину свою левую руку, а правой наносил меткие удары-укусы противнику:

– Ах ты, дундукович! Ах ты, шакальмасов! Родного батьку бить!..

А Матвею-то радости: кулачками – в отцовский живот.

Как и дядя Алеша, старался Влад жене по хозяйству помогать. Собственный отец для него авторитетом никогда не был, хоть он и любил его. Отец работал

водителем автобуса, круг его интересов ограничивался работой и рыбалкой. Книг он не читал, только газеты. По хозяйству маме почти не помогал, считал – с него достаточно того, что он зарабатывает деньги и семья материально не нуждается. С Владом им всегда было трудно найти общий язык.

Отношения между родителями в их семье Владу тоже не нравились: родители между собой часто спорили по мелочам, не раз собирались развестись. Но принадлежали к тому типу пар, которые разводятся на протяжении всей своей совместной жизни, однако до окончательного разрыва дело так и не доходит, а потом один из них очень тяжело переносит потерю ушедшего супруга...

По вечерам, когда Матвей лежал в своей кровати, перед сном Галя читала ему разные книги: сказки или жития святых. Слушая мамино чтение, Матвей в это время имел привычку что-то вертеть в руках – плюшевого кота или фигурки пластмассовых рыцарей. И так засыпал. Он, конечно, не против бы в это время поиграть и в электронную игру, но такого мама не допустит. Мама вообще настроена против всех компьютерных игр. Отстала от жизни.

Сказки и жития, конечно, интересны. Но не менее интересны истории папы о его детстве: «Приключения Юрки, Влада и Сашки».

Порой Влад ложился рядом с сыном в его детскую кровать. Благо, кровать была достаточно широкой, на такой и двум взрослым места хватило бы. (Иногда в выходные, когда Матвей ни свет ни заря вбегает в комнату родителей и сразу включает все, что можно включить: телевизор, компьютер, лэптоп, музыкальный центр, а солнышко едва-едва взошло и в окошке только рассеивается ночная мгла, Влад с Галей спасаются бегством, – шасть в детскую, и оба – в кровать Матвея. И молча, молча, без слов, с закрытыми глазами, чтобы не улетел тот легкий и пугливый утренний сон выходного дня...)

Так вот, порой лежит Влад вечером рядом с сыном и рассказывает ему страшные, холодящие душу, но всегда со счастливым концом, истории трех друзей.

Юрке в этих историях всегда отведена роль заводилы, вожака, лидера. Юрка – дерзкий, отважный. Ничего не боится. Прыгает с крыши высокого дома, на Днепре дерется с пиратами, водружает горящий факел на вершину горы. Юрка непромокаемый, несгораемый, непотопляемый. Как Ниндзя. Юрка побеждает любых монстров, его боятся ведьмы и колдуны, на него жалуются соседи.

Сашка – тот на Юркином буксире. Сашка – солдат, не командир. Верный оруженосец конного рыцаря. Не такой проворный и ловкий. Мешок. Дундук, одним словом. Все приключения придумывает Юрка: развести костер на крыше, отправиться в путешествие на плоту, натолочь серы из спичек для бомбочек. Сашка помогает самоотверженно, но почему-то ему потом и больше всех достается. Сашку порой бьет его папа – больно по заду, и ставит в угол.

Влад в этой веселой троице – посредине. Не устроитель всех этих забав, скорее, он – главный советник Юрки. Влада редко наказывают за их проделки, он всегда каким-то чудом выпутывается.

xxx

«...И выкопал он себе пещеру в горах, сотворил молитву и поселился там. И вел строгую подвижническую жизнь. В пищу употреблял только сухой хлеб да воду, и то через день, а иногда даже и через два. Нередко же Антоний не принимал пищи и целую неделю. Многие, узнав о святой жизни подвижника, приходили к нему, изъявляли желание жить с ним...»

Читала мама, а Матвей, теребя плюшевого кота, слушал, то задирая коту хвост, то скрещивая его лапы на груди.

Где-то там, за океаном, в Киеве, находятся эти таинственные пещеры. Страшные, темные. И какой-то монах-отшельник, в черной одежде, с бородой до живота и длинными волосами, пришел в Киев от святой Афонской горы.

Взобрался на горы над Днепром и зачем-то выкопал там себе пещеру. Не искал клад – ни золото, ни доллары. Выкопал пещеру, в которой много лет жил и молился Богу. Вот диво-то! И зачем в пещере жить, если можно жить в квартире? В квартире есть и телевизор, и компьютер. Но молиться Богу лучше в глубокой, темной пещере.

Следом за Антонием, тем бородатым стариком, выкопал неподалеку себе пещеру и другой старик – Феодосий. Правда, когда Феодосий пришел туда, на горы, он еще не был стариком, – убежал от своей мамы в монастырь против ее воли. Старики от мам не бегают. Но все-таки трудно себе представить Феодосия без длинной бороды.

И зажгли они там, глубоко под землей, свечи, и стали молиться. И почти ничего не ели и не пили. Ни глотка пепси-колы. Про Макдоналдс и говорить нечего.

Страшно там им было, холодно. Ветер носился, завывая над древними кручами, и крутилась лодка в бурю на волнах Днепра, и летел сорванный кленовый лист, и тревожно кричали чайки. А Антоний и Феодосий сидели в своих пещерах, молились. «Госпо-оди, помилуй-уй...» – отвечали им многоголосые ангелы из подземных ходов. «И весь живот свой Христу Богу предади-им...» – повторяли Антоний и Феодосий.

И от этого «весь живот» у Матвея самого в животе всегда холодеет, когда слышит эти слова. Ведь не шутка же, не шутка это. Не ноготь пальца, не волосы, а живот – весь свой живот! – Богу отдать. Как же потом жить-то, без живота?!

Потом к двум киевским пещерникам спускается третий – Матвей Прозорливый. Тоже с длинной бородой и в черной рясе. Матвей Прозорливый все видит и все знает наперед. Он видит бесов. Бесы то мчатся на свиньях по городу, то бросают в монахов какие-то желтые дурманящие цветы, то дико визжат, чтобы монахов испугать. Но не боятся их бородатые пещерники. Они бесам могут и по

шее дать, и тумачов им, дундукмасовым и шакальмасовым.

Пока Матвей ненадолго увлекся плюшевым котом, пока припоминал что-то важное, под мамино чтение уже все горы наполнились монахами. Все пещеры! Пришли туда и Агапит, и Алипий, и Нестор. И началось там такое, такое... Церковь взлетала в небо, и разбойники каменели от одного прикосновения к ним монашеской руки, и затворников, избитых бесами, выносили из пещер.

Там, в пещерах, порой появлялись и Юрка с Сашкой: непонятно, правда, в какой роли – то ли угодников, то ли разбойников. И кот Матвея – черный, плюшевый – тоже туда проникал, кудесничал там и шалил, задувая свечи и громко, жалобно мяукая, будто обиженный тем, что все его забыли. И сам Матвей тоже появлялся в пещерах. Хотел поймать сбежавшего кота, гонялся за ним, ползал на коленках по холодному земляному полу. Иногда во время погони попадал в келью какого-то бородатого монаха, склоненного над книгой.

— Антоний, здравствуй! Хелло! Это я, Матвей, твой друг из Чикаго! Привет, Феодосий! Это я, Матвей из Чикаго. Юрка и Сашка, и вы тут?!..

Выпал из пальцев ребенка плюшевый кот. Рот Матвея приоткрылся, веки его легонько вздрогнули.

– Спи, спи, сынок.

Глава 4

Все-таки Влад добился своего. Не сломался. Выдюжил. А мог-то и – буль-буль – опуститься на дно, на самое доньшко.

Первое время по приезде в Штаты он, как и многие, страдал от иммигрантского шока. Жалел, что поддался на уговоры родных и уехал в Америку со всеми (Галя – еврейка). Кому в Чикаго нужен украинский историк? Никому не нужен. Вешай диплом на гвоздик.

Он и повесил, и пошел по славному пути многих мужчин-иммигрантов в Америке. Такси. Эх, прокачу.

Ничего другого придумать для себя не мог. И потихоньку начал выпивать. Заливать свое иммигрантское горе-горюшко, оплакивать неудавшуюся, потерянную жизнь. Конечно, обвинял не только себя, но и родителей, и Галю. Жена, как никак. Тоже должна нести ответственность за страдания мужа.

Но со временем поосмотрелся, пообвыкся к новой жизни в чужой стране. Слезами и водкой горю не поможешь, сколько ни лей. Закончил годичные курсы и получил специальность библиотекаря. Тут и диплом его пригодился. И работу нашел – в центральной публичной библиотеке Чикаго, там неплохая секция славянской литературы.

Работа библиотекаря в общем несложная, многие наверняка мечтают о такой: сносная зарплата, медстраховка, длительный отпуск, больничные. Государственная работа – островок коммунизма в бушующем океане рынка.

Одно плохо – скучно, неинтересно. Что должен делать библиотекарь? Вносить в компьютер информацию о новых поступлениях, помогать посетителям находить книги, CD- и DVD-диски, расставлять книги и кассеты на полках в конце рабочего дня. Посещать бесконечные рабочие заседания. Пожалуй, все. Еще выслушивать панические слухи коллег о грядущем сокращении.

И так день за днем. Спустия некоторое время на кухонном столе в доме Влада снова стала частенько появляться бутылка, правда, уже не дешевой водки, как несколько лет назад, когда нуждались в деньгах, а напиток поизысканней – рома или коньяка. Небольшие сверкающие бутылочки объемом полпинты, что в пересчете на русскую систему мер – в аккурат граненый стакан, под краешек.

И снова зазвучал ропот Влада и его жалобы на жизнь. Галя, конечно, к нему ближе всех остальных. Как и полагается любящей жене, ей первой и удары сносить.

Не пожирала Влада ностальгия, как прежде, и в Киев, вроде бы, уже не так сильно тянуло. Однако ничего не радовало. Рождение сына не укрепило семью, не помогло Владу обрести душевный покой, а наоборот, еще больше усугубило его тоску и гнев на себя и на весь мир. Смутно догадывался: все из-за того, что не может он жить без дела настоящего, достойного, чему бы стоило себя посвятить.

Так зашатало и затрусило его, так сдвинуло со всех опор, что начал пить едва ли не каждый день. Сложности в отношениях с Галей подошли к таким рубежам, что замаячил развод.

Галя и сама не ожидала, что Влад, по натуре спокойный, сдержанный, трезвомыслящий, так «выскочит из мерки» и пойдет вразнос.

Уже оба побывали у адвоката и проконсультировались насчет юридических деталей развода. Уже спали в разных комнатах и не разговаривали неделями.

Тогда-то появилась в жизни Влада церковь.

...В Киеве он к Православию пришел благодаря Стасу – приятелю-однокурснику, когда учился в Киево-Могилянской академии. Влад и прежде интересовался христианством, но, скорее из любопытства чем по потребности души. Крестился, когда учился в академии. Вместе со Стасом стал посещать церковные службы.

Стас тогда верой горел, подумывал даже бросить академию и пойти учиться в духовную семинарию – хотел стать священником. Вот и воспламенил он тогда приятеля Влада, поднес свою свечечку к его свечке, жаждавшей огня... Кстати, под влиянием Стаса и Галя – хоть еврейка – тоже покрестилась.

Тогда, в середине девяностых, Украина переживала религиозное возрождение, и студенческие годы Влада совпали с этим временем. Вместе со Стасом ходили и в Лавру, и в древнюю Китаеву пустынь, где новые монахи расчищали заваленные старые пещеры. И на Лукьяновское кладбище ходили, где один светлый душой иеромонах служил панихиды по всем киевским

новомученикам сталинского лихолетья.

Стас рылся в архивах бывшего КГБ, встречался с детьми репрессированных священников и уцелевших очевидцев. Хотел собрать и составить летопись тех страшных лет.

Начиная с 1933-го года репрессии против киевского духовенства были поставлены на поток: расстрелы проводились в подвалах Лукьяновской тюрьмы, потом ночью из тюрьмы, будь она трижды проклята, трупы вывозили на телегах и закапывали во рвах Лукьяновского кладбища. Много тогда было загублено священников, монахов и профессоров Духовной академии. Много невинной крови впитала земля старого киевского кладбища...

Стас и бороду отпустил лопатой, как у священника. И прозвище у приятелей получил – Борода.

Влад бороду не отпускал, брился аккуратно и волосы стриг довольно коротко. Но душой тогда впервые прикоснулся к вере, ощутил тот страшный, сладкий холодок и тепло...

И вот, спустя десять лет, когда все это уже отошло за дальние горизонты – и Киево-Могилянская академия, и Борода, и те молебны, и Киев, унылый, хмурый, отделенный от злой Московии заборами и тынами, снова, уже в чикагской жизни, Влада появилась церковь.

Сам не знал тогда, как церковь сумеет помочь ему. Но пришел с надеждой. Ведь не хотел расставаться ни с женой, ни с двухлетним сыном. Бывает так – сорвало человека и понесло, помимо его воли. Хотел бы остановиться, да не может.

После работы приезжал Влад в церковь на вечерние службы. Слушал чтение псалмов. Слушал, но не слышал. Все решал: сделать ли ему последний шаг и начать спать с Ритой, коллегой в библиотеке? Рита давно была в разводе, дочь ее выросла и жила отдельно. Рите явно надоело флиртовать с Владом, и она уже без

всяких обиняков приглашала его к себе домой.

Встретил он случайно там, в полупустой вечерней церкви, одного художника – обрусевшего грека, родом из Одессы. С необычным именем – Гурий.

У Гурия тоже была борода лопатой, правда, уже поседевшая, хотя Гурию не было и пятидесяти. По натуре – молчун, смотрел он мрачно исподлобья. Во время служб стоял не шевелясь, застыв, как изваяние. Худое, бородатое изваяние. Только порой руки его вздрагивали и делали вдруг странные движения: то резко выбрасывали из кулака все пять распрямленных пальцев, то судорожно разворачивались кистями. Странные руки! Руки художника.

Они познакомились. Гурий, хоть и немногословен, но, проникшись к Владу симпатией, рассказал о себе: он занимается живописью и пишет иконы. Когда-то в Одессе он начинал как художник, но стал бандитом. Потом со своим бандитизмом покончил. Переехал в Америку, занимался ремонтами зданий и уже не надеялся, что когда-нибудь вернется к живописи. Однажды, делая ремонт в коптской церкви, встретил там монахиню по имени Мариам, из коптов (египетских христиан). Эта встреча перевернула всю его жизнь: под влиянием Мариам Гурий приобщился к вере, научился писать иконы и вернулся к картинам. А Мариам уехала обратно в Египет, где жила в монастыре, но они поддерживали связь. Однажды во время Великого Поста она ушла в пустыню совершать подвиг безмолвия и там умерла от разрыва сердца. Гурий ездил в Египет, когда Мариам перезахоранивали, переносили ее тело из пустыни на монастырское кладбище. Он посвятил ей несколько своих картин...

Каких только историй в жизни не бывает!

После вечерних служб они с Гурием стали заходить в греческое кафе неподалеку от церкви. А иногда заглядывали и в египетский духан, где курили кальян с какой-то сладкой травкой. Пили там такой крепкий кофе, что Влад потом не мог заснуть до утра.

Гурий собирался в новую поездку. Вернее – в путешествие-паломничество. В Египет и Иорданию. Несколько лет назад он уже совершил подобное паломничество, теперь собирался снова. Гурий был влюблен в пустыни Ближнего Востока, где уже побывал – в Аравийскую, Синайскую, Иорданскую.

Он ехал без группы, один, заранее разработав маршрут со специальным гидом-проводником в Египте. (Университеты Египта, Иордании и Израиля оказывают такие услуги.) В этот раз собирался побывать в древних Фивах, где еще высятся гигантские глыбы рухнувших тысячи лет назад колоссов, затем посетить Александрию, оттуда – на Синай, и закончить это трехнедельное путешествие в древней Петре.

...И пошел Влад в то удивительное путешествие по святым древним местам, с гидом-проводником из Каирского университета по имени Ахмед и водителем-арабом. Водитель, очутившись в любом населенном пункте, тут же исчезал – якобы к родственникам, а возвращался с большим опозданием, весьма помятый и с мутными глазами.

Но Аллах и с тем водителем, и с гидом Ахмедом, постоянно и по любому поводу клянчившим у них с Гурием деньги, и хвастливо не выпускавшим из своих рук айфон последней модели.

...Словно воскресали перед глазами Влада призраки древней Византии. Императоры, свита, опальные патриархи. Места сражений императорской армии с кочевыми сарацинами, неудачные походы императора Валентина, страшные битвы Юстиниана с персами. И башни, и базилики, возведенные в городах и пустынях императрицами Еленой и Евдокией, и многочисленные монастыри дикой Фиваидской пустыни, скиты и лавры...

Все то, что когда-то так любил Влад, чем когда-то пылко увлекался еще с отрочества, все прочитанные им книги по истории Византии, когда-то взятые у дяди Алеши, а потом в библиотеке Киево-Могилянской академии и в архивах

Национальной исторической библиотеки, поездки на археологические раскопки в Крым и Львов, – все это не умерло, не прошло бесследно.

Где они только ни останавливались на ночлег! И в палатках бедуинов, и в пещерах, спали и на досках, подстелив верблюжьи рогожи. В Александрии заночевали в гостинице: в холлах там сверкала реклама шикарного казино, а под окнами громко скулили голодные собаки...

Ночевали и просто под открытым небом. Сидели у костра, слушали заунывные арабские песни Ахмеда.

Иногда Гурий по памяти читал псалмы. Голос имел низкий, прокуренный. Порой читал так тихо, что стреляющие искрами головешки заглушали его речь: «Жертва Богу дух сокрушен. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит...»

Но очень отчетливо слышал Влад каждое слово, вылетающее из тех уст. И наконец стал тогда понимать Влад, что не он – самое главное на Земле, что он – лишь песчинка среди миллиардов песчинок этих древних пустынь, которые разнесет ветром Времени. И нельзя так себя любить и так жалеть. Не себя нужно любить, не свою ничтожность.

Подними голову, раб Божий! Взгляни на это черное небо в обжигающих глаза звездах! Что бы ты делал без этого неба?! Кем бы ты был?! Чем была бы твоя жизнь без этих звезд?!..

Потом они с Гурием сидели в аэропорту в Аммане в ожидании обратного рейса. Оба – обожженные солнцем, с выгоревшими волосами, похудевшие. Гурий почти ничего не ел все это время, истощал еще больше. Влад тоже сбросил килограммов, наверное, пять, джинсы на нем болтались мешком. Повсюду на сиденьях и на полу аэропорта сидели и лежали женщины в паранджах и мужчины в халатах. Ходили наряды иорданской военной охраны в светлой униформе, смотрели на пассажиров с большим недовольством. Конечно же, потребовали документы у двух подозрительных типов с большими рюкзаками – Влада и Гурия.

Охотно взяли у них последние доллары. Но уж ладно, не жалко. Восток ведь. Нельзя не дать.

Тогда-то, в аэропорту Иордании, Влад твердо решил, что не оставит Византию. Ни за что. Сделает для этого все возможное и невозможное.

И вот теперь уже третий год он учится заочно в университете штата Кентукки. Работает над диссертацией о Византии. Если защитит, то получит ученую степень доктора истории. Мистер Влад. Доктор Мостоффой.

Жаль, что Гурий опять уехал – в Парагвай, расписывать там православный храм и часовню. Сказал, что года на два.

Глава 5

Кто знает, как долго бы продолжались музыкальные занятия в квартире Юрки, прерывавшиеся кулачными боями с дядей Алешей.

Все трое – Юрка, Влад и Сашка – уже закончили школу. Что делать дальше? У Юрки и Сашки выбор был весьма ограничен, поскольку учились из рук вон плохо: Сашка в науках был тугодум и с трудом тянул школьную программу, а Юрке учиться было просто неинтересно. Чуть получше была успеваемость Влада, но в институт со своими знаниями и оценками вряд ли бы поступил. К своему увлечению историей Влад тогда не относился как к чему-то серьезному, считал это обычным хобби, таким же, как, скажем, филателия или нумизматика.

Короче, закончилось тем, что все трое надели рабочие халаты и стали учениками слесаря в трамвайно-троллейбусном депо, где работала Сашкина мама.

Не знали, возьмут их в армию в следующий призыв или нет, – в конце восьмидесятых загребали уже не так густо.

И вот, в чудесную пору юности, когда жизнь кажется бесконечной, а любые помехи – легко преодолимыми, случилось невероятное событие. В их районном

Доме культуры вдруг зазвучала музыка. Настоящий рок! «Роллинг Стоунз», «Квин», «Дорз». Нет, конечно же, звезды рока – ни Мик Джаггер, Фредди Меркьюри или Джим Моррисон, – никто из них не приехал на гастроли, чтобы дать забойный концерт в районном Доме культуры. К сожалению, знаменитые музыканты ни сном ни духом не ведали о существовании того невысокого трехэтажного здания в Московском районе города Киева.

Те песни исполняла одна малоизвестная рок-группа. Четверо молодых мужчин лет двадцати пяти имели свои музыкальные инструменты и аппаратуру. Играли они уже несколько лет, выступали в кафе, барах, на сельских свадьбах, принимали участие в разных городских фестивалях, но знаменитыми пока не стали. У них не было помещения для репетиций.

Помещение в районном Доме культуры для них нашел примечательный тип по имени Артур Борисович, он же просто Борисович. Формально он считался и руководителем той рок-группы, и ее продюсером.

Артур Борисович не был похож на обычного продюсера из шоу-бизнеса. Классический продюсер одет в деловую тройку, всегда имеет при себе кожаный дипломат, туго набитый выгодными контрактами.

Артур Борисович, однако, был куда выразительней. Когда-то он выступал в Киевском театре оперетты, но, по его словам, из-за закулисных интриг вынужден был покинуть сцену.

Было ему около пятидесяти лет. Он привлекал внимание своей внешностью – хорошо сложенной фигурой, черными густыми волосами, обрамлявшими его смуглое лицо, особую прелесть которому придавали глубокие темно-карие глаза. Его тщательно выбритое лицо дышало мужественностью, но это была мужественность не солдафона, а артиста.

Общаться с такими людьми весьма приятно. Рядом с ними жизнь сразу начинает сверкать, открывается новыми гранями, кажется не такой блеклой.

«Господа, жизнь – прекрасна! Жизнь – это игра, наслаждение, театр!» – словно говорят эти люди миру, и мир с завистью смотрит на них. Каждый себе думает: «Вот бы и мне тоже научиться так жить...»

Одевался Артур Борисович соответственно своему положению: в черный кожаный плащ и черные остроносые туфли. Часто носил элегантно завязанный шейный платок, а на голове – широкополую светлую шляпу. От него всегда исходил пряноватый запах одеколона и нередко – коньяка. Плащ он снимал сразу, переступив порог помещения, небрежно бросая его на стул, а шляпа еще долго оставалась на его голове, почему-то он не любил с ней быстро расставаться.

Он имел бархатистый баритон, правда, уже утративший былую силу и красоту из-за сигарет и алкоголя.

Итак, Артур Борисович неожиданно объявился в районном Доме культуры, директором которого была одна одинокая, бездетная и очень амбициозная дама лет сорока пяти. Вероятнее всего встреча бывшего солиста оперетты с директрисой произошла сначала в другом месте и в более интимной атмосфере, а уже потом их личные интересы совпали с профессиональными.

Борисович получил должность музыкального руководителя по работе с юношеством района, а в одном из пустовавших залов Дома культуры на первом этаже появились музыкальные инструменты, колонки и усилители той безвестной рок-группы, продюсером которой был Артур Борисович.

К слову говоря, помимо этих должностей, Борисович еще работал консультантом по вопросам культуры в Доме офицеров и руководил какой-то секцией в городском Фонде деятелей искусств. Вот так надо жить! Как тот шмель, что перелетает с цветка на цветок на лугу жизни, собирая только нектар своими мохнатыми лапками. Ж-ж... Ж-ж...

Борисович постоянно был занят, вернее часто отсутствовал, совершенно не занимаясь музыкальным развитием юношества в районе. Ай-яй-яй! Появившись,

заглядывал лишь на несколько минут в репетиционный зал, источая благовония одеколонов и коньяков. И, не снимая шляпы, потом надолго исчезал в кабинете директрисы, где они за закрытыми на замок дверями изыскивали, наверное, новые способы музработы с юношами.

А жизнь Юрки, Сашки и Влада в корне изменилась. Инструменты! Настоящие электрогитары, ударник, орган! О-фи-геть!..

Договор был таков: ребята из рок-группы репетируют в зале дома культуры в определенные дни, в остальное время их инструментами пользуются «юноши района» – Сашка, Юрка и Влад, которые и раньше заглядывали в тот дом, где играли в бильярд и настольный теннис.

Ребята-музыканты разрешали троице присутствовать на своих репетициях, в свободное время охотно обучали их из рок-музыки тому, что умели сами.

Юрка, разумеется, взял в руки соло-гитару. Взял, побледнев лицом, как святыню, поднес ее к свету и сдул с натянутых струн пылинку. Сашка, понятно, сел за клавишные – не зря, значит, страдал в музыкальной школе, не зря изнывал на уроках сольфеджио. Влад решил попробовать себя на ударных. Нужен был еще бас-гитарист. Попробовали двух претендентов. Не подошли. Решили пока обходиться своими силами: Сашка мог подыграть и на бас-гитаре в случае, если не хватало басов органа.

Вот и сложилась рок-группа. Крутая рок-группа, из трех музыкантов, один талантливей другого: Юрка, Сашка и Влад.

Первым делом – название. Название любой рок-группы – это ключ к успеху. Это имидж, это философия. Много они выпили в те дни водки и винчика, придумывая название. Все вечера пили: и в сквере, и в пельменной. Много перебрали, пока, наконец, Влада не осенило:

– «Византия»! А?

– Стой, Владя, погодь... Это чё такое, бля, кто это такая? – спрашивал Сашка,

надрывая тонкий жестяной ободок пробки на горлышке бутылки водки.

Они сидели на скамейке в саду во дворе, под цветущими липами и акациями.

– Как бы тебе, Сашок, объяснить? Была когда-то такая империя, самая интересная в истории. Там у них был и император, и двор, и армия, и простой рабочий народ, слесаря, как мы с тобой. Столица – Константинополь, или Царьград. По территории она была почти как Совдепия, охватывала Балканы, Ближний Восток и часть Северной Африки, – объяснял Влад, волнуясь, что его предложение могут отвергнуть. Уж больно мудреное название. Не все «рубят» в истории, как он. – На них нападали все кто мог: арабы, вандалы, крестоносцы, славяне. А они все равно держались, держались аж тысячу лет! И все там у них было в золоте: и император, и весь двор, и вся их жизнь была в золоте!

– Гм-м... – Сашка, уже с открытой бутылкой в одной руке и со стаканом в другой, хмурился. Византия какая-то, крестоносцы, вандалы. Непонятно. Но одно Сашке все-таки понравилось – двор там был в золоте. Это хорошо. А вот бутылка, пацаны, открыта. Выдыхается.

Сашка все равно знал, что его мнение ничего не решает. Последнее слово – за Юркой. Он – лидер: гитарист, вокалист и душа компании, вернее новой рок-группы.

– Византия... Византия... – забормотал Юрка, и на его скуластом лице пробежала тень сомнения. – Нет, что-то не то, не то...

Юрка задумчиво поднял голову, словно надеясь найти ответ в ночном небе, заслоненном изогнутыми ветками деревьев.

– «Византийцы»! А как вам такое название?!

– Полный атас! Вот это улетное название!

– Пацаны, такое название надо срочно обмыть. Наливай. За нас, за «Византийцев»!

XXX

Артур Борисович был в восторге. Жизнь, друзья мои, прекрасна и удивительна. Вопрос заключается в том, умеем ли мы наслаждаться всеми теми благами, которые она так щедро посылает нам?

Появлялся он все реже в том зале, где отныне не прекращались репетиции. Но районное юношество, надо сказать, в Борисовиче не очень-то и нуждалось. Юношество и так оказалось одаренным и целеустремленным.

Влад соорудил дома ударные: раздобыл педаль бас-барабана, прикрепил ее к доске, обтянутой войлоком, чтобы стучало поглуше. Дома гупал этой педалью и колотил палочками по металлическим мискам и журналам, разложенным на диване в его комнате.

Игра на ударных требует от человека умения синхронно выполнять руками и ногами абсолютно разные движения. Скажем, когда правая нога бьет дважды в такт в бас-барабан, левая в это время поднимает педаль хета, а правая рука стучит мелко и часто по тарелкам, когда левая бьет по рабочему барабану. И в этом, на первый взгляд, хаотичном наборе различных движений возникают необходимые ритмы.

Не каждый музыкант, даже имеющий исключительный музыкальный слух, может справиться с таким заданием. К удивлению многих, да и самого Влада, он такими способностями обладал. Новое, неведомое будущее, которое сулила рок-группа, поманило и его. Во время домашних репетиций в его квартире стоял такой грохот, что жаловались соседи двумя этажами выше, не говоря о тех, кто жил за стеной.

Сашка достал свои не уничтоженные нотные тетради и книги, оставшиеся после музыкальной школы. Освежил в памяти музыкальную науку, пробовал теперь академические знания игры на пианино применить для исполнения крутого

рока.

А Юрка – просто расцвел. Отпустил гриву – хаер, до плеч. Купил белые фирмовые джинсы, на свои футболки по заказу отпечатал собственного изготовления эмблему в готике – «Византийцы».

В депо в рабочее время каждые полчаса выходили в курилку, чтобы обсудить новую песню. Не обращали внимания на угрозы бригадиров срезать зарплату. Слова песен и музыку сочиняли там же, в курилке, почему-то именно там, в дымах, их часто посещало вдохновение. Бывало, что Муза являлась, когда что-то сверлили или снимали с деталей заусенки. Когда кого-то из них осеняло, то осененный сразу давал друзьям сигнал и направлялся в курилку. Первые обсуждения сырого текста и мелодии проходили там, а шлифовка и полировка уже во дворе и репетиционном зале.

Юрка задавал тон, определял настрой и символику песен.

– Не надо никакой зауми. И никакого уныния. Ты, Владя, в текстах любишь уходить в депрессию и слишком много размышляешь, – пояснял Юрка Владу его недостатки поэта-песенника. – А нам нужен ритм, динамика. Тук-тук-тук. И полная ясность в словах. Чтобы сразу попадало вот сюда, – он тыкал пальцем в грудь Влада, рабочий халат которого был усыпан мелкими металлическими стружками.

«Иди сквозь буран.

Лети сквозь туман.

Ты – Чингисхан...»

Ду-ду-ду...– стучал набалдашник педали по бас-барабану, а палочки по хету и тарелкам.

«Садись на змею.

Войди в колею.

В морях и пустынях

Ищи любовь сво-ю-у...»

Роли распределились приблизительно так: Сашка – музыкальный консультант, следил за чистотой мелодии; Влад – интеллектуал, сочинял сам и поправлял совместные тексты, а Юрка – отвечал за все шоу в целом.

...Однажды вечером в их репетиционный зал вошел Артур Борисович. И не один. Вместе с ним – прекрасное создание с длинными стройными ногами и в значительно декольтированном платье. Супермодель из журнала мод, не иначе.

Музрук поведал, что в следующем месяце «Византийцы» будут выступать на городском фестивале молодежных рок-групп.

– Потом – Москва, Лондон, Нью-Йорк... – промолвил Артур Борисович своим прокуренным баритоном, не переставая улыбаться таинственной, немного печальной улыбкой.

Вдруг взял микрофон и, нежно погладив по голой спине стоящую рядом девушку, запел какую-то арию из оперетты.

Все зачарованно слушали, пораженные красотой исполнения. Маэстро!

– А вы, Артур Борисович, не хотите теперь спеть вместе с нами? «Иди сквозь буран... Садись на змею...»

xxx

Чем для них троих была рок-группа, репетиции до глубокого вечера, первые выступления на фестивале и в кафе? Смотрели они на эти занятия как на что-то серьезное, важное для себя?

Кто как. Влад – вряд ли. Чем больше требовалось усилий и музыкального мастерства, тем сильнее Влад убеждался – не дотягивает он до уровня остальных, не может выводить виртуозно дробь палочками, и в композициях их группы ударные являются самым блеклым, слабым звеном.

Сашка – тому нравилось, что с его мнением «профессора музыки» считаются. А еще Сашка любил стабильность, постоянство: после работы – репетиции, потом портюшок в вечернем дворе в саду, обсуждение новых песен. Все как-то устаканилось, вошло в колею.

Юрке – вот кому можно было позавидовать. Вне всяких сомнений – рожден для сцены. Все данные: и внешность потрясная, и на гитаре играет, и поет. Еще и в соавторстве песни сочиняет, несколько бессмысленные, правда, но все равно волнующие, зовущие куда-то. «Садись на змею... В морях и пустынях ищи любовь сво-ю-у...»

Все чаще после репетиций Юрка куда-то уходил. Стал скрытным. Зазноба, значит, появилась. Влюбился. Пропал, казак.

Однажды выступали в кафе, Артур Борисович организовал их концерт.

Ах, как в тот вечер Юрка бил по струнам, как вытягивал ноту своим уже почти осипшим от напряжения голосом! А потом, сняв гитару и сжимая микрофон в руках, стал танцевать на сцене. Словно шаман во время священнодействия. Тряс головой, взметались его пышные пряди.

А за одним из столиков напротив сцены сидела очень милостивая белокурая девушка лет двадцати двух. Смотрела на Юрку зачарованными глазами. С бокалом сухарика в руке. Казалось, вот-вот заплачет. Или выпрыгнет на сцену и начнет размахивать своей снятой джинсовой курточкой. Звали ее просто Юля. Но Юрка называл ее «божественная Юлия». Училась она в пединституте.

После концерта она терпеливо его ждала. Потом при всех поцеловала его в губы, крепко прижалась к Юркиной руке, и они ушли с нею, ушли.

...Да, одарила жизнь в тот славный год Юрку, и солнце его восходило над морями и пустынями. И никакая темная сила, казалось, не остановит этот восход.

xxx

Закрылась дверь репетиционного зала. Закрылась на замок, и ключей от нового замка не было ни у «Византийцев», ни у ребят-музыкантов, владельцев аппаратуры, и уж наверняка ни у Артура Борисовича.

Директриса Дома культуры стала вдруг очень строгой и официальной. Холодно ответила троице, что репетиции пока прекращаются, все инструменты и аппаратура в самое ближайшее время возвращаются их владельцам, а музрук Артур Борисович с занимаемой должности снят за недобросовестное отношение к своей работе.

Вот так.

Улетел мохнатый шмель Артур Борисович, улетел куда-то. Растаял в синем воздухе. Отжужжал.

...Вечером сидели на скамейке во дворе. В темноте порой вспыхивала зажигалка, поднесенная к сигарете.

– Видите, к чему приводит блядство. Борисович волочил за молодыми девками, а директрисе это не нравилось. Поэтому она и дала ему отставку, – Сашка высказал догадку о действительной причине увольнения музрука. – Я попробую переговорить со своей теткой, у нее полно всяких связей, может, подсобит нам.

Влад насвистывал какую-то мелодию, выпуская струи сигаретного дыма в осенний воздух.

Юрка сидел молча. В темноте лишь сверкали его злые, отчаянные глаза. Случившееся для него было не чепухой, не мелкой неприятностью, а настоящим

ударом.

Он вдруг грозно засопел, занес над головой кулаки и опустил их на скамейку с такой силой, что загудели длинные бруски старой скамейки:

– А-ах!..

Глава 6

Белая пена вздулась над горлышком бутылки немецкого пива. Пиво янтарное, светленькое, с приятной горчинкой.

Впрочем, в последние три года Влад и пиво пьет не часто, лишь в исключительных случаях. Оно и понятно: голова должна быть предельно ясной, ничем не одурманенной. Потому как – учеба в Кентуккийском университете, диссертация. Учеба хоть и заочная, но требует невероятных усилий: понадобилось выучить греческий и латинский языки, чтобы читать первоисточники в оригинале, приходится постоянно прорабатывать новые материалы, регулярно писать и отправлять научному руководителю в университет в Лексингтон отчеты вместе с планами-набросками следующих исследований.

Поступив на докторскую программу, Влад поначалу рассчитывал, что справится с диссертацией максимум за четыре года. Настроен был самым решительным образом. Но теперь, спустя два с половиной года, все яснее осознавал, что ему не хватит и пяти лет. Сколько уже проделано работы, сколько перевернуто страниц самых разных книг, сколько прошло обсуждений с научным руководителем Дэвидом Гроу, американцем, с которым у Влада поначалу сложились самые приятные, рабочие отношения. А едва пройдена и половина пути!

Тут еще и новая проблема: возникли сложности с Дэвидом. Причина – тема диссертации.

«Отношение византийского общества к меньшинствам» – так в изначальном варианте звучала тема его «диссера». Тему подсказал Дэвид Гроу, который в Штатах считается одним из корифеев-византинистов.

По ходу говоря, в Америке не так много кафедр в университетах, где изучают Византию. По пальцам можно сосчитать. Одна из причин, вероятно, это очень слабая историческая взаимосвязь между современным американским обществом и древневизантийским. По своим мировоззренческим и культурным ценностям США тяготеют скорее к Древнему Риму, с его имперской мощью, рационализмом и гражданским правом.

Дэвид Гроу предложил Владу тему о «толерантности» византийцев к меньшинствам, чтобы придать его диссертации современное звучание.

– А кого, профессор, мне нужно будет зачислить в эту группу меньшинств? – спросил Влад, когда они вдвоем в кабинете Гроу в самом начале обсуждали тему его будущей диссертации.

– Г-м... хороший вопрос, – протянул профессор, прижав пальцем к переносице дужку своих очков. – Думаю, что к меньшинствам относятся не только гомосексуалисты и лесбиянки, как это сейчас принято считать. Хотя, конечно, если вы, мистер Мостофрой, пожелаете включить и их в эту группу, я возражать не стану, – губы профессора дрогнули в ироничной улыбке, из чего Влад заключил, что этот уважаемый профессор – «еще та политкорректная штучка».

– К меньшинствам в Византии, полагаю, можно отнести политических оппонентов, военнопленных, иноземцев, всех неправославных, – продолжал Гроу. – Можете добавить сюда женщин тоже и посмотреть на вопрос с позиций современного феминизма. Согласны? По ходу работы, если возникнет необходимость, в тему диссертации можно будет внести некоторые изменения.

Но, глубже вникая в историю древней империи, Влад пришел к выводу, что тема византийских меньшинств его интересует не так сильно. Куда больше

занимает другое: взаимоотношения государства и церкви в империи.

Стало очевидным, что тему диссера нужно менять самым коренным образом. Все это назревало подспудно, день за днем. В переписке и телефонных разговорах с Дэвидом они до сих пор обходились обтекаемыми фразами. И вот теперь Влад поехал на очередную встречу в Лексингтон, где у него с научным руководителем состоялось открытое объяснение, и вопрос о необходимости поменять тему был поставлен ребром.

Домой он сегодня вернулся поздно вечером, уставший и раздраженный. Когда ехал из аэропорта, на шоссе еще и попал в большую пробку.

Сейчас он сидел на кухне, за столом, пил пиво и возмущался:

– Этот кентуккийский хрыч не согласен, чтобы я изменил тему, – Влад глотнул пива и взял с блюда парочку миндальных орешков. – Ну не сука скажи? Я ему объясняю, что военнопленные, секс-меньшинства и феминистки меня не сильно занимают. Мне больше хочется разобраться в том, как власти Византийской империи строили свои отношения с церковью. А он мне в ответ: дескать, это не современно, не актуально. Да, я согласен, это не актуально в Штатах и Западной Европе, где государство и церковь давно отделены друг от друга – де-юре и де-факто. Но для Православной церкви это и поныне остается одним из самых болезненных вопросов. Ты только посмотри: кто эти церковные иерархи и епископы в сегодняшней России? – Льстецы, трусы, хапуги! Жалкие марионетки путинского режима во главе со своим холуем-патриархом! Да таких духовных пастырей – к-ху!.. – Влад закашлялся, крошка ореха застряла в горле. Помолчал недолго. – А этот кентуккийский хрыч говорит: не современно! Скорчил мне кислую мину и промямлил, что он-де в этой области не специалист и что в таком случае мне лучше сменить руководителя. Посоветовал обратиться к Джону Хелдону, из Принстона. Дескать, Хелдон – византинист высшего класса, сможет со мной работать по этой теме. Но ведь знает же, что в Принстон меня не возьмут.

Галя сидела за столом напротив мужа. Слушала не перебивая. Иногда брала с блюда орешки и тоже бросала себе в рот. А порой делала короткие глотки из Владовой бутылки пива.

– Ты пьешь пиво из горла точно как Сашка, – шутя заметил Влад, когда Галя поставила на стол бутылку и облизала с губ белую пенку.

– Я знаю. Знаю, что твой Сашка мог залпом выпить целую бутылку водки, – ответила Галя. За годы совместной жизни она слышала многое о бывших киевских друзьях Влада и об их «удивительных» способностях.

– А-а... Зря я вообще взялся за диссертацию. Пять, а то и шесть лет каторжной учебы... И кем я потом стану? Преподавателем истории в колледже? Или буду побираться в надежде получить стипендии и гранты постдока? Не лучше ли просто читать книги в свое удовольствие? И никому не доказывать, что современно, а что нет.

Галя – в сиреновом легком платье, с открытыми руками. Чутко уловила по интонациям в голосе мужа, что его раздражение потихоньку спадает. В его глазах уже блеснул огонек желания... Она тоже успела соскучиться по нему, хоть Влада не было всего лишь три дня.

– Куда еще можно обратиться, кроме Принстона? – спросила она.

Женское чутье подсказывало Гале, что несогласие студента с профессором по теоретическим вопросам перешло на личности, задело амбиции обоих. Еще закончится тем, что вся Византия накроется медным тазиком. И Влад не станет профессором! Не получит степень. Останется безликим библиотекарем. И их семейная жизнь, наконец обретшая стабильность, снова медленно начнет сползать в ад.

– Не знаю, куда еще можно обратиться. Можно попробовать в наш, Чикагский университет, там новый постоянный профессор на кафедре.

– А что насчет Западной Европы? Или Украины? Ведь докторскую

диссертацию можно защищать и там.

– Теоретически можно. Но потом придется проходить бесконечную процедуру подтверждения научной степени. В общем, нужно все хорошенько разузнать.

На часах стрелки приближались к двенадцати. Завтра всем рано вставать: им – на работу, сыну – в школу.

– А как поживает наш гений? Наш великий художник и музыкант? – поднявшись, Влад подошел к жене, сзади обеими руками обнял ее голые плечи. Прикоснулся своей небритой щекой к ее волосам. Запах, запах ее тела, ее волос все так же волнует его, как и пятнадцать лет назад...

– Матюша – прекрасно, – Галя отклонилась назад, прикрыла глаза. Вдруг с досадой вспомнила о том, что за всей суетой забыла поменять постельное белье на их кровати и у ребенка. – Сегодня он мне дал тетрадь со своими рассказами. Я прочла и просто обалдела.

– Что же он там такого написал?

– Он сочиняет короткие истории. У него есть свои литературные герои: мистер Матвей и его друг – черный Кот. Они вдвоем с Котом постоянно попадают в разные забавные ситуации. У нашего сына писательский талант, надо его обязательно отдать в литературную студию, – заключила Галя, вставая со стула. Развернулась к Владу лицом, обвила его шею руками...

...Влад лежал в кровати, гладил жену по ее гладкому теплomu бедру. В тишине тикали настенные часы.

– Знаешь, Галчик. Пришла мне в голову такая вот мысль – поехать в Киев, дней на десять. Возьму с собой и нашего писателя. Он ведь там никогда еще не был.

– А как же школа? – насторожилась Галя.

– Что школа? Пропустит.

Глава 7

Звездный час наступил для Матвея. Не пропали его просьбы даром, донесли его слова ангелы до ушей Самого Бога. Спасибо вам, ангелы. Thank you.

А просил наш Матвей у Господа одну очень важную ему вещь, без которой вся его жизнь в последнее время превратилась в сущую муку. Просил новую электронную игру DSI. Без DSI и вправду жить непросто, тем более что эту игру уже имеют в классе Шон и Майкл.

Родители, однако, в этот раз стали твердо. Как Матвей их ни упрашивал, каким бы сладким голоском ни пел и ни клялся, что в конце семестра получит отличные оценки даже по математике, все равно отказали.

Понять их, конечно, можно: родители – люди отсталые, живут днем вчерашним. Не знают, что, помимо игр, с DSI можно отправлять по электронной почте письма и фотоснимки. Но папа возразил, что никакие электронные письма Матвею никому посылать не нужно. К тому же полгода назад они ему уже купили похожую дорогую «цацку». Мама с отцом согласилась. Предупредили, чтобы не подлизывался и не выпрашивал денег у дедушек и бабушек.

Надеяться было не на кого. Только на Бога. И вот, прислуживая в алтаре, Матвей мысленно очень часто обращался к ангелам, изображенным на стенах. Просил их, чтобы помогли ему в столь трудной, практически безвыходной ситуации. Он помнил слова священника о том, что Бог всегда дает человеку то, что ему очень нужно. Главное – не переставать просить. Вот Матвей и просил.

Пятьдесят долларов! Пятидесятидолларовая купюра лежала в конверте, который вручил ему священник! Открыв конверт, на котором был начертан тонкий крестик и написано его имя, Матвей поначалу глазам своим не поверил. Может, это ему кажется? Может, он спит?

Открыл глаза: нет, не спит, и не кажется. Настоящие деньги, купюру можно сложить вдвое и засунуть в карман джинсов. Потом вынуть и развернуть. Пятьдесят долларов. Ва-ау!

Как пояснил священник, раздавая конверты всем алтарникам, эти деньги они заработали, служа Богу.

– Только прошу вас, чада, используйте их на полезные, добрые дела, – сказал священник. – Если вы истратите деньги неразумно, то ангелы сообщат об этом Богу, и Бог рассердится.

– А можно... – нерешительно начал Матвей. – Можно на них купить DSI?

– DSI? Гм-м... – священник пригладил свой седой ус. – Это что-то полезное? Тебе это очень нужно?

– Да, очень, – ответил Матвей, и сердце его взволнованно забилося.

– В таком случае купи себе SI... как оно называется?

– DSI, батюшка! – громко выпалили трое других юных алтарников, стоявших перед ним в ряд.

– А-а... DSI. Надо запомнить. Стар я стал, совсем стар, прости меня, Господи, – промолвил священник, перекрестившись.

Матвей сиял. Сиял ярче своего стихаря. Его мечта наполовину осуществилась: остается раздобыть еще пятьдесят долларов.

xxx

Мр-мр... Так мурлыкает черный бездомный кот, недавно появившийся на улице, где они живут. Непонятно, где тот кот ночует, – в подвале одного из домов или в каменном колодце какого-то двора. Часто сбегает по заборам или выпрыгивает из кустов на тротуар и жалобно смотрит на всех идущих. Может, потерявшийся, пытается признать своего хозяина или ждет, что его накормят.

На передней лапке внизу у него – белое пятнышко, а на груди – белый галстук. Глаза – зеленые, но один глаз чуточку синеватый.

Кот, правда, близко к людям не подходит. Стоит протянуть к нему руку, – убегает. Еще и оскаливается, поднимает хвост трубой: «Мр-ря-у!»

Матвей стал его прикармливать: в зоомагазине покупал маленьких рыбок, которых продают на корм. Эти маленькие рыбки теперь плавают в кастрюле, где мама раньше варила суп.

Каждое утро по дороге в школу Матвей кладет несколько рыбок на каменную ступеньку одного крыльца. А возвращаясь обратно домой из школы, проверяет – съедены ли? Тот черный котяра ест рыбок очень аккуратно, оставляет только обглоданные хребетики, без кусочка мяса. Головы у рыбок надкусывает и высасывает из них сок.

Кот знает, кто ему приносит рыбу. В первые дни смотрел из глубины двора, как Матвей кладет рыбок на ступеньку. Потом стал подходить поближе. А недавно даже разрешил себя погладить. Лег на спинку, и Матвей гладил мягкий пушистый животик. «Мр... Мр...»

– Смотри, как ты его раскормил, – шутя заметил папа. – Он у тебя уже стал толстым, как настоящий бегемот.

xxx

Но если уж везет, если пошла удача, то не зевай. Ангелы, оказывается, дают то, чего ты даже и не просил.

Едет он с папой в Киев! Летит на самолете. Две недели не будет ходить в школу. Не будет сидеть за партой, слушая занудную мисс Миллер. Когда мисс Миллер рассказывает о дробях, то Матвею кажется, что дробями набит весь ее рот, они вот-вот оттуда посыплются на пол.

Он едет в Киев! Побывает в пещерах, где его ждут печерские угодники. В Киеве живут и папины удивительные друзья – Юрка и Сашка. Увидит их тоже.

Папа сказал, что эта поездка – первое настоящее путешествие Матвея. Он еще употребил какое-то странное слово – «памолвничество». Значение этого слова Матвей не знает, но угадал верно, что это «памолвничество» чем-то похоже на то путешествие в пустыни, которое когда-то совершил папа. На сделанных там фотоснимках папа и верхом на верблюде, и в гамаке у моря между двух гигантских пальм, и рядом с каким-то бородачом у ночного костра...

xxx

– Присядем на дорожку?

Все втроем – Влад, Галя и Матвей – сели. Родители на стулья, сын на большой чемодан на полу. К ручке черного чемодана были привязаны две яркие ленточки, чтобы его легче было опознать в Киеве на таможне.

Матвей теревил эти ленточки. Все-таки здорово, что папа – путешественник. Хотя в школе Шон недавно заявил, что его папа лучше всех, потому что он биржевой брокер и зарабатывает очень много денег. У Шона всегда первого в классе появляются новые электронные игры, какими бы дорогими они ни были. Шон знает цены на все.

– А твой папа – библиотекарь! Я видел его там, – сказал Шон Матвею на перемене. – Библиотекарь получает очень мало денег, даже меньше, чем водитель трака.

Для Матвея эти слова сверкнули грозными молниями и едва не сожгли все вокруг. Он-то знал, что его папа работает в библиотеке, но это не самое главное. Папа – путешественник, вот что важно. Лучшего папы нет и быть не может! Но разве у самого лучшего на свете папы может быть низкая зарплата?..

– Все, в путь.

Все встали. Влад взял за ручку чемодан и покатил его к двери. Вышли из дому.

Пока родители укладывали в багажник вещи, Матвей побежал к каменной ступеньке, на которую сегодня утром выложил рыбок. Увы, к рыбкам никто не прикоснулся, да и кота нигде не было видно.

– Матюша, иди сюда. Пора ехать, – позвала мама.

Он устроился на заднем сиденье, перебросил через грудь ремень.

– Попрощался со своим котом Бегемотом? – спросила мама с переднего сиденья.

– Нет. Рыбки почему-то не съедены, и кота тоже нет.

– Может, нашелся его хозяин. Или ты хотел взять Бегемота с собой в Киев? – спросил Влад, заводя двигатель.

Всю дорогу родители разговаривали между собой. Галя давала последние наставления, как одевать ребенка, если будет холодно, а как, если дождь. Еще раз попросила, чтобы сразу ей позвонили, когда доберутся до дома, «Скайп» у нее будет постоянно включен.

– Ты знаешь, наш сын взял с собой пятьдесят долларов, подаренные ему священником, – сказал Влад. – Я ему говорю: оставь деньги дома, не то потеряешь. А он – нет, взял с собой. Ему кто-то из друзей сказал, что в Украине DSI стоит дешевле, чем в Америке. Бизнесмен.

Матвей на всякий случай пощупал рукой джинсы в том месте, где в кармане лежали сложенные пятьдесят долларов.

– Папа, а знаешь что? – обратился он к отцу. – Включи музыку – «Роллинг Стоунз» или «Квин».

Машина неслась по шоссе. Красное закатное солнце быстро сползло к горизонту.

– We will, we will rock you!.. Мама, пой с нами тоже! We are the champions!..

Глава 8

Моноotonно гудят турбины. Неподвижная белая бугристая поверхность облаков тянется в небесную даль.

Самолет наполовину пустой. Начало ноября – не сезон для отдыха и путешествий. Матвей спит, улегшись в кресле. Подложил под голову тонкую синюю подушку. Подтянул ножки к животу.

На большом мониторе – фильм с Брюсом Уиллисом в главной роли. Брюс, истекая кровью, весь избитый и израненный, все же не перестает мочить врагов, лихо перескакивая на ходу с одной машины на другую, на лету с одного вертолета на другой. Здорово.

Влад подтянул вверх съехавшие с кресла ноги сына, накрыл его одеялом. Оставил свою руку на его плечике.

Вот, растет человек. Такой родной и в то же время не совсем понятный. Владу-то казалось, что его Матвей во всем похож на Юрку – такой же артист, музыкант, художник, щедро наделенный способностями.

Но вот в главном, оказывается, Матвей на Юрку не похож. Более того – полная ему противоположность. Душа у ребенка другая. Матвей – добрейшее существо. Не дерется ни с кем из сверстников. Не потому, что труслив или боится кого. Нет, вовсе не трусливое у него сердце. Напротив, отважное. Но доброе и кроткое. Матвей уверен, что все люди вокруг должны быть добрыми, честными. Должны просить прощения, если совершили какую-то пакость. Не брать чужое. Не причинять другому боли.

Каково же ему будет жить с таким сердцем? Незащищенным перед всяким злом в мире? О, это не из тех свойств характера, которые перерастают с возрастом.

Это – поглубже, это – основа основ человека, его идеалы, прочнее которых ничего нет. С этими идеалами человеку жить до самых седых волос...

Хорошо ли это? Или лучше, чтобы сын мог за себя постоять? Чтобы умел дать сдачи? Врезать по роже обидчику?

Вот Юрка – тот мог врезать. Еще и как. Куда там Брюсу Уиллису с его лысой каменной головой и грудями мышц. Юрка был, как степной леопард. Не дай Бог такого разозлить, стать ему поперек дороги. И чем все закончилось для него?..

Влад откинулся на высокую спинку кресла. Закрыв глаза. Юрка, Сашка... В этот свой приезд, что бы там ни было, он поговорит с ними открыто, начистоту. Сколько лет прошло, а все не дает ему покоя тот давний случай, все скребет его сердце гадкий чертенок.

И сейчас в Киев Влад решил поехать для того, чтобы разделаться с этим чертенком – раз и навсегда. Нехорошо ведь: все чаще он про Юрку и Сашку вспоминает, сделал их героями и кумирами своего сына. Но почти никаких связей с ними не поддерживает. Изредка лишь поздравляет их с днем рождения. О смерти дяди Алеши и дяди Вити узнал от своей матери. Мама порой позванивает туда, разговаривает с тетей Леной и тетей Надей, и другими соседями из того киевского двора.

А ведь были когда-то друзьями. Друзьями не разлей вода, если бы не...

xxx

Дверь репетиционного зала, где находились музыкальные инструменты и аппаратура, для «Византийцев» так больше никогда и не открылась. Директриса Дома культуры туманно говорила о каких-то возможных фондах, но больше жаловалась на тяжелые для культуры времена, когда приходится выживать в условиях рынка. Более того, в ее голосе порой звучали и нотки злорадства. Быть

может, в душе ей хотелось излить на «Византийцев» свой стыд и отыграться на них за то, что их бывший покровитель Артур Борисович не оценил по достоинству ее женских прелестей.

Несколько раз в ее кабинете надолго исчезал неизвестный мужчина делового вида. При его появлении директриса всегда вспыхивала, как свежая роза. Но бывшую должность Артура Борисовича она уже ему не дала. Впрочем, как вскоре выяснилось, деловой в той должности и не нуждался – он искал помещение под офис для собственной рекламной фирмы.

Юрка метался, как раненый зверь. Узнав, что репетиционный зал сдается в аренду рекламной фирме, обрушил на директрису камнепад ругательств и ушел. Сашка – за ним, хлопнув дверью.

Дипломатичный Влад все же остался для переговоров. По случайности директриса шила себе одежду в том ателье, где мама Влада работала портнихой. Влад наивно полагал, что таких связей достаточно, чтобы решить их вопрос. К тому же директриса из всей компании всегда была благожелательна только ко Владу. Так и в этот раз: посоветовала ему не тратить попусту время с дружками-оболтусами, а лучше всерьез подумать о своем будущем.

– Нужно искать другие варианты, – решительно заявил Юрка.

Все верно. Но какие? Легко сказать: раздобыть инструменты, колонки и усилители. Еще и зал для репетиций.

Юрка пытался разыскать неуловимого шмеля Артура Борисовича. Ходил по ресторанам и барам, где вечерами играли ребята на своих инструментах, пробовал о чем-то договориться с ними. Бесплезно. Что-то обещала Сашкина всемогущая тетка, но дальше обещаний дело не шло.

Возникла идея – экономить на всем и купить инструменты со своих зарплат. Трое торжественно поклялись: все заработанные деньги, до копейки, сдавать в общий фонд. Юрка сам предложил это. Надо сказать, щедростью он не отличался,

скорее был прижимист. Если давал займы хоть полтинник, то рано или поздно напоминал о долге. Владу эта черта в Юрке никогда не нравилась. Но ради инструментов Юрка был готов снять с себя и последнюю рубашку.

Надежды на собственный фонд себя, однако, не оправдали. Зарплата начинающих слесарей, к тому же не шибко работающих, была очень низкой, а у Сашки – из-за прогулов – вовсе мизерной. Помимо всего, деньги в стране обесценивались на глазах, а цены на электронику и музыкальные инструменты так же быстро росли. Очень скоро стало очевидным, что они не соберут нужной суммы и до второго пришествия. Поэтому по настойчивым предложениям Сашки все собранное быстренько пропили.

Влад и Сашка уже смирились, что концерт отыгран и мечту о новой рок-группе мирового масштаба придется похоронить. Вслух они этого еще прямо не высказывали, обходились намеками. Юрка же такую пораженческую мысль допустить не мог.

Оно и понятно: он ощутил вкус сцены, прикоснулся легонько к тому, что называется славой и лаврами артиста. Его полюбила «божественная Юлия».

Сцена, гитара, микрофон... Он чувствовал себя в шоу, как рыба в воде. И вот эту рыбу выбросили на берег...

Весенний призыв в армию они проскочили: Влад и Юрка прошли в военкомате медкомиссию, но их почему-то больше не вызывали, а Сашку от военкомата отправили на курсы водителей.

Сашка курсы посещал со скрипом, а все свободное время пропадал в Голосеевском лесу с хулиганьем, еще и друзей туда водил. Манила Сашку блатная романтика. Казалось, хочет Сашка очутиться на настоящих нарах, потрогать их, насколько они жесткие.

Когда они жили музыкой, эта хулиганская сторона Сашки стушеввалась, ушла в тень. Теперь же Сашка – пианист и музконсультант – сам ушел в тень: если

исполнял что-то под гитару или фортепиано, то в основном по пьяне, какую-нибудь блатную задушевную песню, вроде:

*«В долине гаснущих светил
Судили парня молодого,
За то, что молод и красив,
За то, что сделал много злого...»*

И столько души вкладывал Сашка в эти песни, будто пел о себе самом, несправедливо осужденном «в долине гаснущих светил».

Влад стал подумывать, не попробовать ли поступить в институт? Может, судьба дает ему шанс? Да, нужно поменьше тратить времени на пьянки и гулянки, выбрать институт и подготовиться к экзаменам. Чем черт не шутит – авось и поступит куда.

Юрка же разрывался между рутинной работой в депо, поисками продюсера и альбомом «божественной Юлии». О своих отношениях с Юлией он не распространялся и ни в какие подробности друзей не посвящал. Но было видно – влюблен! Малейшее упоминание о Юляше, как называл ее Сашка, вызывало на лице Юрки самое трогательное выражение. При имени Юлия он тут же становился смущенным, застенчивым. Лишь по вздохам, исторгаемым из его груди, можно было догадаться о том блаженстве, какое он испытывает с ней.

xxx

...Они сидели в квартире Влада, родители его ушли в гости. Сперва вдвоем с Сашкой, пили винчик. Обсуждали лесных бандюганов, болтали о работе и вообще за жизнь. Сашка любил помудрствовать о разных вещах и считал Влада тоже в

высшей степени философом.

Неожиданно нагрязнул Юрка. Злой, потерянный. Жалкий. Желваки дергались на его лице. Сашка, посмотрев на друга, щедро налил ему в стакан.

– Глотни, Юрок, на сердце сразу полегчает, – посоветовал он.

Догадался сметливый Сашка, что Юркина бледность лица и злой, сверкающий взгляд, и нервное перебирание пальцев, не знающих, за что схватиться, – все это связано с «божественной Юлией». По всему видно, что дала она нашему Юрчику от ворот поворот. Вот стервоза.

Юрка выпил залпом и сразу налил второй стакан. Сашка понимающе кивнул, взял в руки гитару и, аккомпанируя себе, запел:

– *«Ах, зачем эта ночь*

Так была хороша-а...»

– Ладно, не грусти. Еще помиришься с ней, – успокоил друга Влад, наливая и себе.

Быстро осушили одну бутылку, осушили вторую. Хорошо пошло. Бывает, знаете, когда пьется под настроение когда булькает винчик. И все так складывалось, так удачно легли карты: свободная допоздна квартира, в кармане – полученная накануне зарплата. Деньги хоть и не крупные, не миллионы, но на хорошую выпивку хватит с лихвой. И у друга – рана сердца, разбитая любовь.

Короче, вскоре на столе в квартире Влада стояли еще три только что купленных в ларьке бутылки вина.

– Наливай.

Юрка не пьянел. Во всяком случае по нему видно не было. Хотя пил много, небрежно, вино красными струйками стекало с его подбородка, капало на рубашку и белые джинсы.

Он взял гитару Влада и с отчаяньем стал бить по струнам. Так ему было больно, что даже лицо кривил:

– *«Иди сквозь буран,
Лети сквозь туман...»*

Лопнула с визгом первая струна. Взметнулась в воздух оборванным концом, но Юрка словно и не замечал этого, продолжая концерт. Жилы на его шее вздулись и лицо перекосилось. Впрочем, лица-то и не было – только разинутый рот и сверкающие глаза:

– *«Ты Чингисха-ан...»*

Сашка и Влад, хоть и окосевшие прилично, с любопытством смотрели на друга. Если бы тот сейчас разбил гитару о телевизор, они бы не удивились.

Юрка взял новую открытую бутылку. Пил прямо из горлышка, сколько мог выхлебать зараз.

– На хрен я ей нужен? Кто я? Обычный слесарюга. А ведь я – рок-музыкант! Такой же, как Мик Джаггер! Как Меркюри, блядь! – выкрикивал он, враз сильно опьянев. – Она думает, что не видать мне сцены, что я сгнию на заводе. Что на меня напялят военную форму. Ни хера подобного! Она еще меня не знает. Сашок, открывай. Что, уже всё выпили? Владя, у твоего бати нет ничего в загашнике? Водяры нет?

Словом, начался настоящий пьяный угар. И в этом чаду в Юркиной смурной голове родилась дикая мысль:

– Если мы не стали королями сцены, то будем королями улицы. Пусть нас теперь все боятся! – он снял с груди гитару.

Влад и Сашка, пьяные, захваченные Юркиным отчаянием, тоже поднялись.

– Она еще узнает, кто такой Юрий Ханаев! Еще пожалеет, что ушла к другому!

Разлили по трем стаканам водку из отцовской бутылки, которую Влад вытащил из бара.

– За нас, пацаны! За дружбу! За «Византийцев»!

И вышли все трое из подъезда дома, где провели свое детство, где во дворе гоняли в футбол и в квача, падали на асфальт, сдирая кожу с коленок и локтей, где в тенистом саду играли на гитарах и мечтали о славе.

Вышли пьяные, очумевшие. Не играть в квача и не петь песни. А пошли избивать прохожих...

xxx

Ночью Влад метался в своей кровати, его рвало. Родители что-то кричали. Мама плакала, отец сжимал кулаки, рад бы задать сыну серьезную взбучку, не будь Влад в таком состоянии.

Под утро он заснул, забылся в полубреду. С твердым намерением не выходить сегодня на работу, потому что в таком состоянии едва ли доберется до проходной.

В каком-то дурмане возникали перед ним сцены на безлюдных ночных улицах: то от них троих убегают случайные прохожие, то кто-то падает под ударами их кулаков и корчится на земле от ударов их ног. Очень смутно Влад помнил, как добрался домой, а как очутился в своей кровати – не помнил вообще.

Проспал до полудня. Потом поплелся в ванную – откисать в теплой водичке, из маминой бутылочки вылил в ванну какую-то пахучую жидкость. Лежал, прикрыв глаза, изредка отводя рукой подступавшую к лицу пену. Призадумался ненароком: куда же свернула его дорога? Явно не в институт. Н-да...

Сашка с Юркой тоже на работу не вышли – дома приводили себя в порядок.

Кто знает, к какому выводу пришел бы каждый из них. Но выводы такие глубокие им делать уже не было никакой необходимости.

Потому что два молодых лейтенанта – оперуполномоченные милиции – с самого утра от начальника районной службы криминальной милиции получили

задание и довольно быстро с ним справились. Впрочем, дело было несложное – не убийство и не ограбление банка, а злостное хулиганство. Скорее всего, какие-то пацаны из района напились и куролесили. У оперов имелись свидетельства потерпевших: описание внешности преступников, один из которых был в белых штанах, а другой во время нападения пару раз произнес необычное слово «Византия». Это уже кое-что!

Владелец одного из ночных ларьков в том жилом массиве, где было совершено преступление, охотно рассказал гостям-лейтенантам, что подозрительного заметил в минувшую ночь, кто у него покупал алкоголь, и даже высказал догадку, кто, по всей видимости, является загадочным обладателем «белых штанов из Византии». Ларек находился неподалеку от дома, где проживали знаменитые рок-музыканты и, понятное дело, они были там частыми гостями.

...В дверь квартиры Влада настойчиво позвонили, прервав его античные купания.

А ровно в четыре часа и семнадцать минут два милицейских «бобика» доставили Юрия Ханаева, Александра Демина и Владимира Мостового в районное отделение милиции, что на улице Тверской.

Их сразу же поместили в «обезьянники». Публика там сидела шумная, пьяная, орущая и порой дерущаяся между собой. Если смотреть снаружи на все, что там происходит, то такая камера действительно напоминает клетку с обезьянами.

И теперь уже можно было сказать наверняка: концерт закончен. Началось следствие.

xxx

О, не раз и не два в те сутки вспоминал Влад дядю Алешу, Юркиного отца.

Вспоминал самыми светлыми и чистыми словами благодарности.

А как же иначе? Кого же еще, как не дядю Алешу, он должен был благодарить за то, что тот провел с ним столько времени – тысячи часов! – за шахматной доской?

Игра в шахматы, как известно, это поединок с воображаемым соперником. Соперник-то реальный, во плоти – сидит напротив тебя. Но ты сражаешься не с ним, а с предполагаемым ходом его мыслей. Настоящие битвы ведутся не «на земле, а в воздухе», над доской: «Если я двину пешку на Е7, то он... А если я ударю его офицера, то он в таком случае...» Мастерство шахматиста оценивают по его способностям просчитывать наперед ходы соперника, гроссмейстер высшего класса способен верно просчитать игру на двенадцать, а то и на все пятнадцать ходов вперед.

Допросы в кабинете следователя в чем-то схожи с шахматной партией. Особенно когда у следователя еще слишком мало улик. Продолжая аналогию с шахматной игрой, скажем: тот следователь, который вел дело Юрки, Влада и Сашки, был подобен гроссмейстеру, играющему партии одновременно на трех досках.

Но у следователя было важное преимущество – кабинет, в который он вызывал каждого для очередного допроса. По круплицам, по словечку, по фразочке выуживал улики, на которых строил свою партию нападения.

А у Влада была одиночная камера в полуподвале, куда вскоре (как и двух его подельников) его перевели из «обезьянника».

В камере вверху – крохотное окошко, забранное металлической сеткой. Деревянные, обхваченные железными лентами нары пристегнуты к стене замком, лежать на них днем не полагалось. К одной стене приварен железный стул без спинки. В железной двери – круглое отверстие «глазка», задвижка которого находилась снаружи.

Ах, свобода! Неужели не выйти отсюда никогда?..

«Как же теперь жить в таком пространстве, где нет никого и ничего? Какие-то надписи нацарапаны на стенах теми, кто сидел в этой камере до меня. Их увезли отсюда в тюрьму. Потом был суд, лагерь...»

Следователь был одет в серый костюм, лицо имел самое неприглядное, незапоминающееся. Серость, ни дать, ни взять.

Он был спокоен, даже вежлив поначалу. Не кричал и не пугал. Но вел дело очень напористо. Владу порой казалось, что этот следователь в глубине души даже испытывает некоторое удовольствие, спортивный азарт: «Молодец, парень, хорошо играешь. Мне нравится. Но я все равно тебя обыграю, вот увидишь».

Да, Влад был перепуган. Но он понимал, что любое лишнее слово, любая фраза может стать роковой, будет стоить ему очень дорого.

Когда после первого допроса его завели обратно в камеру и за ним с тяжелым грохотом заперлась дверь, он сел на стул, крепко закрыл ладонями свои уши. Сидел, раскачиваясь взад-вперед. Но минут через десять-пятнадцать, собрался с духом, восстановил в памяти все сказанное им и услышанное от следователя, все тщательно взвесил в уме, пытаясь разгадать: где он соврал хорошо, а где плохо, где следователь соврал, а где говорил правду.

Его мозги работали даже отменней, чем во время лучшей из когда-либо сыгранных им шахматных партий. И словно не пил он вчера ничего, и не мутило его минувшей ночью.

Сколько человек они избили? Кажется, троих. Остальные убежали. Помнит ли Влад их лица? Практически нет. Первого, может, еще бы и узнал, а остальных – вряд ли. Сколько из них, пострадавших, обратились в милицию? Пока, если Влад верно угадал из слов следователя, – только один. Но какой из них?

– Юрий Ханаев утверждает, что вы ударили незнакомого мужчину кулаком в лицо... Александр Демин признал, что вы нанесли пострадавшему удар ногой в

живот... Пострадавший N. доказывает, что...

Было ли в душе Влада раскаяние? Было ли какое сожаление? Сетовал ли на свою дурную головушку, из-за которой очутился в камере и может получить тюремный срок? Задумался ли на миг о тех людях, невинно избитых лишь потому, что они трое напились и решили покуражиться, излить свою злость за свои неудачи, показать друг другу свою удаль?

Нет, о таких высоких материях Влад тогда не задумывался. Душа ему в тот час была не нужна. Нужен был только ум, чтобы угадывать ходы соперника-следователя.

Было опознание. Влада завели в кабинет следователя вместе с тремя незнакомыми парнями приблизительно такого же возраста, что и он. Всех выстроили в ряд у стены. Затем в кабинет тихо вошел мужчина с разбитым лицом и, посмотрев на каждого из парней, указал следователю на Влада:

– Вот этот.

Нет, нет, все врет этот наглый следователь! Не говорил ничего такого Юрка! Молчит он, молчит в своей камере! И Сашка молчит тоже.

Но после опознания «играть» стало гораздо труднее. Впрочем, была одна спасительная соломинка: Влад точно помнит, что не бил мужчину, опознавшего его сейчас. Да, он участвовал в драке: стоял рядом, был готов ринуться, но не успел. Сашка нанес мужчине пару сильных ударов и сшиб его с ног. Тот отполз, поднялся и убежал.

Затем возникла долгая пауза – на допросы больше не вызывали. Впрочем, все и так было ясно. Сидя на железном стуле, Влад даже на миг забылся в легкой полудреме...

– Часы! Кто снял часы с пострадавшего S.? Арестованный Юрий Ханаев утверждает, что...

Все приняло самый грозный оборот с того момента, как следователь

произнес это слово: ЧАСЫ. До сих пор речь шла о драке, уличной драке, пусть грязной, подлой – три на одного. Но все это еще было хулиганством, злостным хулиганством.

Бог ты мой! Еще и сутки не прошли, а все осталось за чертой. Жирная, черная черта отныне разделила всю жизнь, короткую девятнадцатилетнюю жизнь, на две неравные части. Всё прошлое сейчас казалось таким ярким, беззаботным, счастливым... Отрочество, первые годы юности. Ушло все это. Прожит день новой жизни, по эту сторону железной двери, в камере, где исцарапаны стены и где решетка на маленьком окошке.

Новая жизнь начата, жизнь страшная. Жизнь тюремная. Неужели это справедливо? В тюрьму должны идти грабители, воры, урки. Те, кто заранее замыслил преступления, кто размалевывает себя татуировками, носит в карманах оружие.

Но ведь они – Влад, Юрка и Сашка – они ведь не такие, они не из тех. Они – друзья, музыканты, призывники. Работают слесарями, играют на гитарах, ухаживают за девчонками. Им скоро в армию, а Влад вот собирался в институт поступать. У них жизнь только начинается, все еще впереди. Они не замыслили никаких грабежей. Просто выпили немного и решили подурачиться. Другу Юрке нужно было отвести душу из-за измены любимой девушки и неудавшейся карьеры рок-музыканта...

– Часы! Кто снял часы? Арестованный Александр Демин признался, что...

В камере Влад закрывал руками свои уши, чтобы не слышать, не слышать тех проклятых слов следователя. А надежда, что он выйдет на свободу, таяла, таяла.

Он уже плохо соображал, в голове его все мешалось: слова Юрки, Сашки, пострадавших. «Арестованный Ханаев признался... Арестованный Демин подтвердил... Пострадавший N. утверждает...»

Влад помнит, очень-очень смутно, как они после всех драк купили в ларьке возле дома еще одну бутылку вина. О чем-то долго болтали с продавцом, пообещав ему «крышу» от любых рекетиров. И пошли в скверик. Пили там вино и передавали друг другу часы с позолоченным браслетом. Юрка взял те часы и, потрясая ими, выкрикивал: «Завтра пойду к Юляше и покажу ей, какой «котел» у меня есть. «Армани»! Пусть не думает, что я нищий, что я никто!..»

Ах, Юрчик, Юрчик...

С распухшими от слез и переживаний глазами Влада снова завели в кабинет следователя. До сих пор он отрицал свое участие в той драке, где у потерпевшего отняли часы. Отрицал и после того, как в камере его хорошенько потягал за волосы мордатый старшина, еще и швырнул его «для порядку» на бетонный пол и пнул в живот сапогом.

Но отрицал не потому, что был таким стойким, отнюдь нет. Просто не помнил, как у них очутились те злосчастные часы.

Признался, наконец, что вспомнил, как он, пьяный, шатался по всей округе и случайно возле ларька наткнулся на двух друзей. Юрка что-то говорил «про Юляшу и показывал новые часы...»

И сказав это, сразу же понял Влад, что предал друга. Ведь мог бы и промолчать. Но уже понял, что проиграл он партию, разбил его гроссмейстер в сером костюме в пух и прах. И теперь нужно было «колоться». Но «колоться» с умом, так, чтобы себе не повредить.

Эх, Влад, Влад...

К Юрке поехали с обыском домой. И легко нашли там часы «Армани» с позолоченным браслетом. Они лежали в ящике его стола. А в уголке комнаты – гитара. Тр-рень...

В коридоре райотдела – перепуганной стайкой – родители. Мамы разговаривают вполголоса, отцы молчат. Когда кого-то заводят в кабинет на

допрос, родители затихают. Их перепуганные глаза устремляются на своих нерадивых, бестолковых сыновей. И чего им не хватало в этой жизни? Как же мы не доглядели?!..

Было еще одно опознание – с другим потерпевшим, у которого сняли часы. Влад снова стоял в кабинете следователя вместе с тремя незнакомыми парнями. Мужчина средних лет, с сильно разбитым лицом, с пластырем на правой брови, под которым, видимо, были наложены швы, смотрел пристально на всех стоящих перед ним.

Сердце Влада так сильно забилося, что даже спустя двадцать лет он помнит эти удары и ту ледяную волну, окатившую его с ног до головы. Понимал, что сейчас, от одного слова этого незнакомца, от одного кивка его головы, зависит всё.

...Темная, темная дорога, широкая, ведущая куда-то вверх, под гору, а потом – стремительно вниз, развернулась перед ним и потянула Влада за собой, в глубокую пропасть, где только лязг железных дверей, где урки, урки, урки. И он – худой, коротко стриженный, в робе зека с нашитым номером на груди...

– Нет. Не он.

Послышалось? Ноги Влада стали тяжелыми, будто ватными. «Нет. Не он...» С трудом попытался проглотить слюну, во рту было сухо.

Он опустил голову вниз, чтобы спрятать лицо. «Уведите. Уведите меня скорей, в камеру, куда угодно, только подальше от этого, с разбитым лицом!»

– Распишись вот здесь, Мостовой. И вот здесь тоже. Это подписка о твоём невыезде из города. До суда, падло, сиди дома и не рыпайся, понял? – следователь положил в папку бумаги с подписями Влада. – Сейчас у тебя возьмут отпечатки пальцев.

И повели Влада на третий этаж того веселого заведения – районного отделения милиции на улице Тверской. Окунули там валик в специальную черную тушь и прокатали им по всем десяти пальцам Влада, и на бумаге остались

неповторимые отпечатки его пальцев. Точно туда же из камер завели потом и Юрку, и Сашку. У них тоже взяли отпечатки пальцев.

Но только была одна существенная разница – в их дальнейшем пути. Влад вышел из здания, где к нему со слезами бросились мама и отец. А Юрия Ханаева и Александра Демина повезли в СИЗО – следственный изолятор знаменитой Лукьяновской тюрьмы.

И находились они там пять месяцев, до самого суда.

xxx

Родители пытались дать взятку следователю и второму потерпевшему, чтобы тот забрал свое заявление или хотя бы чтобы в деле не фигурировали часы. На беду потерпевший оказался чиновником из прокуратуры. Денег никто не взял. А вместо смягчения всё было раскручено на полную...

И был суд. И сидели все трое – Сашка, Юрка и Влад – на скамье подсудимых. За их спиной стояли два милиционера.

Зал был набит битком, всем пришедшим не хватило места. Пришли, конечно, родители и самые близкие родственники. Пришли одноклассники. Пришли ребята из трамвайного депо. Пришла и директриса Дома культуры, и даже Артур Борисович появился. Сидела в зале и Юляша, «божественная Юлия», скромно, в уголочке. Все пришли посмотреть на «Византийцев», побывать на их последнем «концерте». Послушать их покаянные арии.

Перемигивались. Юрка показывал три растопыренных пальца на своей руке. Мол, три года влепят, – так надо понимать. Сашка тоже распрямлял свои пальцы и что-то пытался сказать сидящим в зале, но милиционеры за спиной следили зорко, любое недозволенное общение пресекали.

Давали показания потерпевшие, выступал прокурор. Картина в общем была

ясна. Из материалов следствия вытекало, что трое подсудимых выпили в доме Мостового бутылку вина и в состоянии опьянения появились в общественном месте (на улице). Затем втроем они избили одного гражданина – N., а после – другого гражданина S. Первое преступление подпадает под «легкую» статью Уголовного кодекса: за хулиганство и драку с нанесением пострадавшему легких телесных повреждений. А вот второе – гораздо серьезней: там и нанесение потерпевшему телесных повреждений средней тяжести, и групповое ограбление, поскольку у потерпевшего были сняты часы. Часы были найдены во время обыска в квартире подсудимого Юрия Ханаева. Он же, подсудимый Юрий Ханаев, признал, что снял вышеуказанные часы «Армани» у потерпевшего S. Подсудимый Александр Демин подтвердил свое участие в двух преступлениях. Оба пострадавших опознали подсудимых. Словом, преступление раскрыто, виновные должны быть покараны.

Выступали адвокаты. Просили судью дать поменьше, взывали к милосердию. Дескать, нужно учитывать, что ребята оступились впервые. Работали слесарями, играли в ансамбле, выступали на городском фестивале юношеских групп. В целом хорошие они парни, а то, что натворили, – по глупости, по шалости. Наказать их, конечно, надо, но так, чтобы не покалечить им жизнь, не сделать уголовниками. Упоминали адвокаты и то, что во время следствия к арестованным применялись незаконные методы, что в камерах их били.

Судья все внимательно выслушивал, тихо кивая головой. Был удивлен, что все трое – рок-музыканты, и такое необычное название группы – «Византийцы».

Прочитав поданную адвокатом бумагу об их славной музыкальной карьере, судья вскинул брови:

– Просто киевский «Битлз». Не хватает бас-гитариста Пола Маккартни.

По рядам прокатился смешок. Хороший судья. И с чувством юмора. Повезло. Может, в прошлом тоже был поклонником «Битлов».

Да, нельзя ломать молодые деревца. Нужно быть милосердным.

Во время перерыва, когда судья ушел пообедать и поразмыслить над приговорами, Влад снова сидел один, в специальной закрытой комнате-клетушке. Гадал, сколько же получит и куда его повезут после суда. У его мамы была с собой сумка с его вещами, все – черное и серое, кроме майки, которой разрешено быть белой. Спасибо тете Лене и тете Наде – поделились с мамой Влада своим новым опытом. Они-то своим сынам почти полгода носили в СИЗО и вещи, и передачи продуктовые: двести граммов сала, батон хлеба, также разрешается сахар-рафинад, яблоки...

Владу, разумеется, «светил» самый малый срок. Он, если по материалам следствия, почти невиновен. Это они – Ханаев и Демин – злостные, отпетые, опасные для общества. А Влад что? Ну выпил вместе с ними. Ну вышел в нетрезвом состоянии на ночную улицу. Участвовал в одной драке. Причем никого не бил, а только стоял рядом.

«Боже, Боже, спаси, спаси. Умоляю. Клянусь, больше никогда, никогда...»

...Как заголосила мама Юрки, когда тихий, с чувством юмора, судья произнес: СЕМЬ лет.

В лагере усиленного режима.

А следом – мама Сашки:

– Сашенька!..

ШЕСТЬ лет, в лагере усиленного режима.

Дядя Алеша плакал как-то по-детски, плечи его мелко вздрагивали. И странные подвывания доносились:

– И-и... И-и... Юрик...

Отец Сашки сопел. Сурово глядел куда-то перед собой и тряс головой с густыми, седыми волосами, зачесанными назад. Потом снял очки, прикрыл глаза ладонями:

– Сашко, Сашко, що ж ты так?..

Плакали девчонки-одноклассницы. Белокурая «божественная Юлия» вдруг ринулась к скамье подсудимых, сквозь толпу...

А Влад стоял с вытаращенными глазами и не верил. Не верил, что уже во второй раз Кто-то свыше уберег его, снова простер над ним Свою крепкую надежную длань.

Год условно? Условно?..

Значит, сейчас можно идти к родителям, к бывшим одноклассникам, к ребятам из депо. Целовать их всех, любить. Начать новую жизнь. Новую. Умную. Без глупостей, из-за которых так жестоко рубят топоры этих судей-палачей!

...Приблизительно через час из тыльных дверей здания суда вывели Сашку. Стоявший во дворике автозак сдал назад. Конвойный отворил заднюю дверцу, и Сашка, наклонив голову, быстро вошел туда.

Следом за ним вывели Юрку. Перед ним тоже распахнулась задняя дверца машины. Юрка поднялся на ступеньку, но вдруг распрямился и повернул лицо туда, где стояли родители и знакомые. Словно хотел запечатлеть их всех в своей памяти.

– Живей, сука! Не задерживай! – рука караульного толкнула Юрку в затылок.

Он ударился лбом о низкую железную перекладину и полетел головой в фургон.

Р-р-р... – уехали два автозака.

Увезли двух казаков.

xxx

Влад отбывал свой год условно. Раз или два раза в неделю к ним в квартиру наведывался участковый милиционер по фамилии Коваль. Ставил галочки в своем

журнале и грозно тряс перед Владом крепким, как у кузнеца, пальцем:

– Дывыся мени, хлопче. Не дуркуй бильше, а то пойдеш на сто перший километр, до своих сраных «Византырцив». Зрозумив?

– Ага, зрозумив, товариш старший лейтенант. Не буду дурковать.

Влад безукоризненно отбыл условный срок, в рот не брал ни грамма спиртного – ни портюшка, ни сухарика. Трудился в депо, потом ушел в армию. В стройбате рыл траншеи и строил казармы. В свободное время ходил в гарнизонную библиотеку. А перед дембелем отправил заявление на поступление в Киево-Могилянскую академию, на истфак.

О своей судимости, разумеется, в анкете не упомянул. И – поступил! Сдал экзамены на «хорошо» и «отлично». В приемной комиссии посмотрели: парень из армии, по всему видно – толковый, думающий. Почему же не принять такого? Тем более что абитуриентов на исторический уже не так много, как прежде. Нынче все подались в бизнес и юриспруденцию.

Так никто в академии никогда и не узнал о том его веселом прошлом, о той судимости.

И началась для Влада совершенно иная жизнь: с бессонными подготовками к экзаменам и зачетам, со спорами о путях истории и роли личности, с заездами в общежитие, где обитали пригожие румяные студентки. Курсовые работы, библиотеки, археологические экспедиции.

Но с тех пор – одно только плохо – носил он в своем сердце мерзопакостное чувство. Было ему горько думать, что он сейчас нежится на пляже, веселится на вечеринке, целует девушек. А в это время Сашка и Юрка...

Но разве он виноват в том, что ему повезло? Что подвернулась ему удача, фарт. Бог пожалел, и все так благополучно для него обернулось. Кто же мог подумать, что одно дурачество, одна угарная ночь может привести к такой трагедии?

Еще с тех пор он стыдился своей трусости. Узнал о себе, что он может предать, стоит лишь чуточку нажать на него. Все рассказал бы на следствии тому следователю в сером костюме. Умолчал только потому, что многого не помнил. А то, что помнил, на себя не хотел брать.

Юрка и Сашка с тех пор стали для него своего рода символами. Особенно Юрка. Такой герой-мученик. Представлял себе не раз Юрку в камере. Словно видел его скуластое лицо с плотно сжатыми зубами. Такой не предаст, не сломается. Хоть к столбу его привязывай и кнутом бей.

Сашка – хоть с хулиганскими повадками, но добряк в душе. Телом – мешок. А оказался крепким орешком. Ни на кого из друзей не показал, только о себе говорил. Недаром прошел суровую школу отцовского воспитания.

Трудно было Владу встречаться и с матерями друзей – тетей Леной и тетей Надей. Смотрели они на него не то чтобы с укором, упрекать им Влада было не в чем. Но с болью укоряли судьбу, так несправедливо обошедшуюся с их сыновьями.

Подавали на апелляцию в городской суд, но приговоры остались прежними, без изменений. Раз в полгода мамы ездили в лагеря «на свиданки». Загодя готовились – думали, что с собой взять и как бы туда пронести недозволенные деньги, чай или лишний кусок сала. Всё надеялись, что к новой амнистии свершится чудо и выпустят сынов или сократят им сроки. А вдруг? А вдруг?.. И так – год за годом.

Когда друзья вышли на свободу, Влад уже заканчивал академию. Между ними теперь было очень мало общего. Словно и не росли никогда вместе в одном дворе. Словно не пляжились на Трухановом острове, не ходили на яхтах по Матвеевскому заливу, не играли в одной рок-группе.

Вышли они оба из лагерей коротко стриженные, злые. У Юрки на ногах татуировки рыцарей с кинжалами и надпись готическая «Смерть коммунякам»; у Сашки на спине – полотно целое: ангелы в раме из колючей проволоки. Мат-

перемат. Феня. «Суки в нашей зоне хотели власть захватить...», «а Князь потом одному петуху перо в жопу воткнул...» Пили водку. Юрка, пьяный, выл на гитаре блатные песни. Ездил на Волынь, к «братанам-каторжанам», помогал им торговать валютой и золотом. Сашка тоже пил крепко, присоединился к Юркиному «бизнесу». Улыбка его стала волчьей, в тюрьме оставил несколько зубов.

О той злосчастной ночи, следствии и суде говорить с Владом они не хотели. Он тоже избегал этой больной темы, отчего в их отношениях сквозила еще и фальшь. С Владом оба вели себя не то чтобы грубо, но крайне неприветливо. Впрочем, они со всем миром тогда были неприветливы, крыли по пьянке матом и родителей, и соседей, и всех.

Законченные уголовники. Что у них общего со студентом академии? Ничего.

Потом Влад женился, уехал: сначала – из двора, а потом – из страны.

Словом, разошлись их пути-дороги. Разбежались в разные стороны так, что, кажется, не собрать их вместе никогда.

Глава 9

Вот и Киев-град! И небеса киевские, голубые, и земля киевская, усыпанная опавшими рыжими и золочеными листочками. И цвета родные, и запахи.

Американских гостей – Влада с Матвеем – из аэропорта вез к себе домой свояк Влада. Он был родом из Калуги, когда-то закончил юридический факультет МГУ, лет пятнадцать назад женился на двоюродной сестре Влада и переехал жить в Киев. Сейчас владел крупной аудиторской фирмой, имел связи в горсовете и в правительстве.

Для Влада лучшего варианта с постоем и не придумать – в случае чего Матвея всегда можно будет оставить под присмотром двоюродной сестры, которая была домохозяйкой.

По дороге свояк рассказывал о последних политических событиях в Украине, спрашивал Влада, как в связи с глобальным экономическим кризисом обстоят дела в Штатах.

Влад что-то отвечал, глядя то в лобовое стекло, то в боковое, пытаясь узнать старые, изменившиеся за девять лет, места. Много, конечно, узнаваемо за огромными, натканными повсюду щитами с лицами новых политиков и рекламой сигарет, автомобилей и электроники.

– А куда подевались корабли? – спросил Влад, когда машина неслась вдоль набережной Днепра.

Старик Днепр, некогда казавшийся ему широченной рекой, перед которой замирало сердце Влада-ребенка, стоявшего на песчаном берегу в трусиках, теперь, для тридцатидевятилетнего Влада, повидавшего моря и океаны, казался маленькой речушкой.

– Ты про какие корабли спрашиваешь? – уточнил свояк.

– Что, не помнишь? Здесь у причалов когда-то стояли корабли, где бомонд пил в ресторанах и играл в рулетку. Короче, увеселительные заведения на плаву. Их что, потопили?

– А-а, вот ты о чем. У тебя отличная память, однако слушаешь невнимательно. Говорю же тебе: сейчас, в связи с избранием нового президента, в городе идет очередной передел власти и денег. Такое себе «крутое мочилово». Вчерашних бизнесменов давят любыми средствами. Корабли утянули в доки из-за каких-то якобы обнаруженных технических нарушений. Когда ты приедешь к нам в следующий раз, то увидишь у причалов те же корабли с ресторанами и казино. Только у них будут уже новые названия и новые владельцы.

– Понятно, – ответил Влад, начиная быстро вникать в новую-старую жизнь родного города. – А это что за варварство?

Он кивнул в сторону, где основание одной из гор разрывали гигантские

экскаваторы.

– Это? Строят крупный развлекательный комплекс. Вложены очень серьезные бабки.

– Но ведь это же древняя тысячетняя гора!

– Ну и что? – искренне удивился свояк. Покосился на Влада и, покачав головой, промолвил: – Послушай моего совета: не порти себе отпуск. Вдыхай дым отечества, утоляй свое ностальгическое томление. Пей, кайфуй, *carpe diem* – лови день.

– О`кей... – вздохнув, Влад повернулся и посмотрел на сына. – Матюша, ты как? Не устал?

xxx

Выдались очень теплые, мягкие дни. Явление для Киева чрезвычайно редкое – такая благодатная теплынь в ноябре. Обычно ноябрь несет холод и сырость, повсюду в небе и на голых ветках каркают вороны и галдят сороки, готовясь к зиме. В парках и скверах клубится дым последних костров от сжигаемых листьев.

Но в этот раз веяло не зимой, а скорее концом весны. Будто на дворе май, и скоро наступит жаркое лето. К тому же весь город был выкрашен каким-то странным приглушенно-багровым цветом, совсем нехарактерным для ярких, сочных тонов киевской осени.

Синоптики объясняли такое диво приходом с востока циклона: массы теплого воздуха в Киев принесло из Сирийско-Африканского разлома, пролегающего по странам Ближнего Востока и Северной Африки.

Так что, половина одежды, которую в чемодан заботливой рукой положила Галя, оказалась совершенно не нужна.

...Киев, Киев! Град мой!

Древний перевозчик Кий, правивший своей ладьей с правого берега Днепра на левый, и нашествие Батыя, и разрушенные крепостные валы. И чайки, оглашавшие своим нежным писком весь Подол, где стучали молоты кузнецов. И взорванный Цепной мост за отступающими в 41-м солдатами, и немецкие пленные, восстанавливающие разрушенный Крещатик, и советские танки, ревущие моторами на центральных улицах в дни праздников, и старые леса, изрытые балками, и палатки голодающих студентов на Майдане, и распустившиеся вербы на Трухановом острове...

Узнать ли тебя сегодня, Город? Да, да...

Многое, конечно, изменилось за девять лет. Побольше небоскребов, рекламы, блеска. Роскошь в центре – на Крещатике и на Печерске. И почти не изменившаяся серость и печаль на окраинах, в нескольких остановках метро от центра.

Безумно красивые молодые женщины. Стройные, ногастые, грудастые. Чернии брови, карии очи. То ли за время отсутствия Влада женщины стали краше, то ли настолько выигрывают в своей внешности по сравнению с безликими американками. Не зря же молодые украинки пользуются таким высоким спросом у мужчин на Западе и в Штатах.

Повсюду лэптопы в руках молодежи, иномарки на проезжей части и на тротуарах, иностранные бутики. Бизнес-стиль, мода, гостиницы, банки. Все это, опять-таки, в центре и поблизости от центра. А чуток поодаль, в былых рабочих районах, – сплошь и рядом следы «совка» в период разложения, с разбитыми дорогами, темными подъездами домов, какими-то разгульными компаниями, пьющими на скамейках пиво и водку, бабушками, торгующими в подземных переходах салом и зажигалками...

Первым делом – в Киево-Могилянскую академию, в альма-матер. Влад взял с собой и Матвея. Пусть сын увидит славную «Могилянку», четыре века назад основанную великими украинскими митрополитами.

Телефонов бывших преподавателей у Влада не было. Он и понятия не имел, кто из них еще работает здесь. Закончил-то он академию поди не вчера.

Помимо желания побывать в здании, с которым у него связаны самые светлые воспоминания, Влад имел и профессиональный интерес. С диссертацией-то теперь непонятно что. Нужно что-то решать: либо искать нового научного руководителя, либо примириться с кентуккийским хрычом Дэвидом и оставить тему прежней.

Рассчитывал увидеть здесь кого-либо из преподавателей, тех, кто его помнил. Может, что-то посоветуют, подскажут, порекомендуют. Особенно Влад надеялся увидеть Тамару Владимировну С., доцента кафедры. Когда-то она была руководителем его диплома.

...Они с Матвеем прогулялись по набережной и подошли к целому комплексу зданий, раскинувшихся на весь квартал. У входа в главный корпус академии их остановили охранники. Попросили документы, а таковых у Влада при себе не оказалось. Сказал без обиняков, мол, бывший выпускник, приехал из Штатов, хочет походить по знакомым этажам. Заглянуть в аудитории. Посидеть за партой. Если удастся, повидать кого из знакомых ему преподавателей.

Охранники выслушали его правдивый, чуточку сентиментальный ответ. Почему-то сделались очень строгими и отправили его в служебный офис, где какая-то женщина в годах, спросила Влада, кем он в Штатах работает, сколько получает и, печально вздохнув, выдала «амэриканцу» разовый пропуск.

Матвей держал отца за руку, смотрел по сторонам. В здании на стенах висели большие портреты каких-то важных мужчин. Здесь было широко,

просторно, внушительней, чем в его начальной школе в Чикаго. Матвей втайне надеялся в этой галерее найти и папин портрет. Внимательно вглядывался в важные бородатые лица, но никого похожего на папу так и не увидел.

Затем они вошли в просторную комнату с загадочным названием – деканат. Там сидел полноватый мужчина в костюме и при галстуке. Говорил тот мужчина на украинском языке. Папа тоже перешел на украинский. Оба упоминали какие-то имена, кивали головами, то смеялись, то ахали, произносили часто «отож» и «авжеж» и «що вы кажете».

Матвею было смертельно скучно, и он дожидаться не мог, когда же они пойдут в магазин покупать DSI. Чтобы ускорить дело, он стал просить про себя: «Отчинаш, уведи папу отсюда. Нам нужно срочно идти в магазин. Аминь».

– Всё, сынку, пошли, – неожиданно сказал Влад и положил в карман бумагу с записанными номерами телефонов.

Глава 10

Собрались днем, около двух часов. Как раз к обеду. В квартире Юрки.

...В гостиной на раздвинутом столе – салаты, маслины, копченая колбаса. А жареная, еще горячая курица ждала своего часа в духовке, и кастрюля с горячей вареной картошкой, присыпанной укропом, тоже стояла в кухне на плите.

В квартире появилось кое-что новое из мебели и телевизор на жидких кристаллах.

Книжные полки, однако, оставались всё те же: одна на другой, от пола до потолка. И книги – рядками, плотненько, а в верхнем пространстве – горизонтально. Наверное, никто к ним не прикасался с той поры, как не стало их хозяина...

А еще новым был небольшой, на бересте, портрет Тараса Шевченко на одной из полок. Странно – Юрка вроде бы национальными вопросами никогда не интересовался. Видать, многое изменилось в Украине за эти годы – то, чего Влад знать не мог.

За столом все свои: Юрка, тетя Лена, Сашка, тетя Надя. Старая гвардия двора. Ну а из гостей – мистер Влад собственной персоной, будущий профессор. И сын его Матвей, вундеркинд.

Дамы водку не пьют. Только коньяк, в честь такого события.

– Кто скажет тост?

– Тост? Юрка, давай ты. Нет, лучше пусть тетя Лена. Или Сашка?

Сашка не заставил себя долго упрашивать, ведь уже разлито по рюмкам, выдыхается, градус уходит. Чего тянуть? Итак все понятно. Такой день, такое событие – Влад приехал, из Америки. Старый друган. Почти профессор.

Сашка раздался в плечах и в животе. Стоял с рюмкой в руке и криво улыбался на одну сторону, показывая два верхних золотых зуба. Обвел всех сидящих сияющим взглядом. Наверное, в эту минуту пожалел, что лишен красноречия и словарный запас его небогат. Зато говорил душевно, с теплотой, подогреваемый еще и предвкушением хорошего вечера.

Существует теория, что каждые семь лет человеческий организм обновляется едва ли не на молекулярном уровне: сбросив старую «молекулярную кожу», человек становится совершенно другим – лицом, походкой, мимикой и т. д. В этой теории определенно есть своя доля истины, во всяком случае применительно к Сашке.

Теперь, в тридцать девять, он очень был похож на свою маму: в Сашкином лице четко обозначилось лисье выражение тети Нади, с ее хитроватым прищуром глаз, вытянутым носом и узким подбородком. Впрочем, впечатление лисьей хитрости ее натуры было обманчиво, и если в своей жизни тетя Надя в чем и

хитрила, так это в попытках обсчитывать своего покойного мужа на деньги из семейного бюджета, которые он пропивал.

Но фигурой, статью, Сашка теперь напоминал своего отца: такой же рослый, плечистый, такой гигант. И свои пшеничные густые волосы зачесывал назад, как когда-то отец.

В Юрке же сразу узнавался татарин: скулы раздались еще больше, в чертах лица проступила азиатская закругленность. Не было у Юрки теперь густой шевелюры, того хайра, которым он когда-то гордился, так артистично потряхивал. Бог весть, сколько времени проводил он тогда у зеркала, какими шампунями пользовался, чтобы придать своим волосам максимальную пышность и отлив. Влад с Сашкой над этой Юркиной слабостью всегда подтрунивали. Теперь же был Юрка совершенно седым, короткие волосы аккуратно зачесаны набок. На его лице и раньше не росло никакой растительности, лишь редкие волоски, оно и теперь оставалось гладким, почти без следов бритья. Но в отличие от раздавшегося в размерах нескладного Сашки Юрка был в отличной форме: все такой же худощавый, подтянутый, словно только что вышел из спортзала. Одет, как всегда, с иголочки.

Он сидел за столом рядом с Владом, тоже держал полную рюмку.

– Все, Владюня, за тебя. И за встречу! – завершил Сашка, подняв свободную руку в театральном жесте над столом, словно ожидая аплодисментов.

Затем у всех сидящих искривились лица, кроме Матвея, который пил пепси-колу и с любопытством наблюдал, как у взрослых смешно выступили слезы на глаза, вытянулись губы дудочкой и сморщились носы. Ни в каком телешоу, никакие клоуны в цирке не могут корчить такие смешные рожи, как взрослые после выпитой рюмки.

Застучали вилки и ножи по тарелкам, полилась минералка в бокалы. Грибочки, оливки, селедочка.

– Ма, не спеши ты со своей курицей, еще есть время. Влад же не уходит еще. Он же у нас будет до вечера.

– Владька, как поживают в Америке твои родители? Как жена? Твой сын – такой красавец! Возьми икру из синеньких, это тетя Надя специально приготовила, когда узнала, что ты к нам в гости придешь. Ну что, вкусно?..

Тетя Лена почти не изменилась: такая же энергичная, живая. Ее волосы, когда-то поседевшие в течение недели после ареста Юрки, теперь были окрашены в каштановый цвет. Она нынче – библиотекарь в школе, где почти сорок лет проработала учительницей. Недавно вернулась из Израиля, гостила у подруги.

Тетя Надя – на пенсии. Но в свои семьдесят девять еще держится, только располнела и, кажется, стала по-стариковски сентиментальной.

Уже не было в их глазах ни боли, ни обиды на судьбу. Они принимали Влада как родного. Да он и был им родным.

Расспросы, расспросы, воспоминания.

– Родители мои – в порядке, все у них слава Богу. Папа все эти годы работал водителем на вэне, но недавно ушел. Говорит, что трудно ему стало, годы берут свое. Играет теперь в парке в домино, ходит на рыбалку на озеро. Вспоминает часто дядю Витю, как они с ним на Днепре вместе рыбачили. Мама работала в ателье портнихой, но ее уволили. Сейчас присматривает за одним ребенком и помогает нам по возможности с Матвеем. Кстати, она вам, – Влад посмотрел на обеих женщин, – передала платья и костюмы, вы же ее знаете. Жена моя – программист в финансовой компании. Матюша растет, – Влад умолк, погладил по голове сидящего рядом сына, который кое-как справился с едой, обильно положенной ему на тарелку тетей Леной, и слушал папин рассказ о жизни их семьи в Чикаго. Рассказ этот в одинаковом изложении звучал уже не раз за последние дни в других домах, где они бывали.

– А ты-то как? Чем занимаешься?

– Мама, ты что, совсем память потеряла? – возмутился Сашка на вопрос своей матери. – Влад же говорил, что работает в библиотеке и защищает диссертацию. Станет академиком, вторым... этим, как его... Капицей. Это же серьезное дело! – с озабоченным лицом Сашка снова взял бутылку коньяка, бросил строгий, внимательный взгляд вдоль всего стола, где стояли уже пустые рюмки:

– Ничего не понимаю. К нам приехал Влад, из Чикаго. Уставший, замученный жизнью в жестоком мире капитала, где человек человеку волк, где люди ради доллара готовы перегрызть друг другу глотки. Ему нужно отдохнуть душой, поверить в людей, бля. Ой, пардон. А мы ему даже рюмку коньяка не можем налить. Хрен знает что, пардон еще раз.

– Сашок, хорош гнать пургу. Это у нас здесь, при Яныке, законы джунглей, хуже, чем в зоне. А там, в Америке, – порядок и нормальные законы, – поправил его Юрка, поднимая свою наполненную рюмку. Он сильно, наморщил лоб (этого за Юркой Влад раньше никогда не замечал), посмотрел перед собой с каким-то страдальческим выражением. Будто какая печаль, какое тяжелое воспоминание надвинулось ему на душу:

– Ладно, погнали.

...Дядя Алеша умер от рака. Врачи поначалу думали, что у него воспаление легких, и полгода лечили его от воспаления. Но потом он начал таять на глазах, стал жаловаться на боли. Сделали биопсию – рак, метастазы уже по всему телу.

– Вот, глянь, это он – за несколько месяцев перед смертью. Да, так усох наш дядя Алеша, как египетская мумия...

Влад листал альбом с фотографиями, переворачивал страницы. Вот промелькнуло их детство, с луками индейцев и картонными рыцарскими мечами; выпорхнуло серой чайкой и унеслось куда-то за море их отрочество, с походами и катанием на яхтах, и юность.

– О-о, какие снимки...

Все сгрудились вокруг Влада, листающего альбом.

И Матвей, сидящий рядышком, с любопытством поглядывал то на фотографии, то на отца, то на его друзей – грубых великанов, с кривыми улыбками и седыми волосами. Неужели эти подвыпившие типы – те самые герои, те неуловимые, несгораемые ни в каком огне и непотопляемые ни в какой воде? Те озорные выдумщики-супермены?

Папины друзья из академии, у которых вчера были в гостях, – повежливее, покультурнее. Правда, тоже пьют очень много.

– Сынок, помнишь, я тебе рассказывал, как мы когда-то играли в рок-ансамбле? Вот, гляди, это мы: вот Юрка, у микрофона с гитарой, видишь, как орет, рот раскрыл, что твой крокодил. А это – Сашок, за клавишными, а это – твой батянька, за барабанами. Узнаешь?

– Ага.

Влад не мог толком понять, что сейчас переживает его захмелевшая душа. Грусть ли от ушедшей юности, радость ли от встречи? Поначалу он, конечно, испытывал настороженность. Не знал, примут ли его с распростертыми объятиями или же холодно? Не знал и того, кого встретит сейчас: веселых друзей юности, с которыми так жестоко развела его судьба, или же заматеревших уркаганов, какими оба когда-то вышли из лагерей?

Но все его дурные предчувствия, сомнения, тревоги рассеялись. Ему стало совершенно покойно и хорошо. Тепло. Он будто бы нащупал нечто прочное в своей душе, поставил ногу на какую-то твердую землю.

Да, жизнь – борьба, скитание. Работа, попытки делать карьеру, воспитание ребенка. Зарабатывание денег. Повседневные заботы.

Но с тех пор, как уехал в Америку, друзей у него больше не появилось. Никого. Как ни пытался сходитья с людьми, ничего не получилось. Бог послал

ему Гурия, того обрусевшего грека, с которым совершили памятное путешествие по Ближнему Востоку. Но Гурий, вечный странник, уехал, пропал из жизни Влада так же внезапно, как и появился когда-то.

И живет Влад с таким ощущением, что воюет он, воюет в одиночку, что не чувствует твердого, надежного плеча друга, что какая-то часть его души каждый день усыхает...

– В Америке у меня друзей так и не появилось... – промолвил он, когда все снова сели за стол к сладкому.

– Зато какой ты молодец: сам, без никого, пробился в чужой стране, пишешь диссертацию. Станешь профессором. Дядя Алеша, помнишь, предрекал тебе большое будущее. И он не ошибся... – тетя Лена вздохнула. – Еще и свою личную жизнь устроил. Не то что наши балбесы. Друзья твои, видишь, все никак не женятся. Юрка встречается со своей пассией уже столько лет. Кстати, ты ее знаешь. Да, та самая «божественная Юлия». Что он нашел в ней божественного, понять не могу. Обычная баба. Водит его за нос, а он, дурак, ей верит.

– Надо же, – удивился Влад.

Поразительно: юношеское увлечение Юрки, тот странный роман девятнадцатилетнего слесаря, несостоявшегося рок-музыканта и двадцатидвухлетней студентки пединститута не завершился в день суда, когда Юрку увезли на долгие годы.

– Мама, ладно тебе. Я же сказал: в следующем году мы поженимся. Она вернется из Чехии, где должна окончательно оформить развод со своим бывшим мужем и разобраться с делами по бизнесу. И все будет – ляля.

– Ляля, ляля. Уже пятый год слышу про «лялю», а не вижу ее, – ответила тетя Лена каламбуром. – Ты бы хоть с практической стороны подумал: пока я еще в силах, то помогла бы вам ребенка поднять. Понимаешь? Но я не сомневаюсь, что твоя чертова Юлька не хочет иметь второго ребенка, ей достаточно одного, от

первого брака. И замуж за тебя тоже не пойдет.

– Сашенька поэтому тоже не женится, – подхватила тетя Надя. – Он же, как малое дитя, своей головы не имеет, смотрит, что делает Юрка, и все повторяет за ним. А если бы Юрчик женился, то и Сашок мой тоже нашел бы себе какую кралю. Может, ты, Владя, убедишь их. Они же нас с Леной – старых и дурных – не слушают. Так, может, послушают тебя.

– А как умер дядя Витя? – спросил ее Влад.

– От чего умер? От болячек. А все болячки – от водки. Ты же помнишь, как Виктор пил. И курил одну за другой. Вот и погубил себя. Ты говоришь, что твой батька в Америке и курить бросил, и не пьет. А у нас здесь по-старому – гробят себя проклятой водкой, как бешеные.

Возникла недолгая пауза. Как будто бы многое было выговорено из первых впечатлений, из расспросов о том, кто как теперь живет. Поделились новостями после разлуки. И теперь, когда впечатления улеглись, казалось, что жизнь вернулась в свое русло и потечет по-прежнему, как двадцать лет назад...

Во всяком случае Владу многое стало понятно в жизни бывших друзей. Вот, живут оба – в том же доме, что в том же дворе. Юрка, правда, приобрел себе еще однокомнатную квартиру в доме неподалеку. Перебирается туда, когда из Чехии приезжает Юляша, а когда остается один – возвращается к матери.

Никаких звезд с неба уже не хватают, о мировых сценах больше никто не грезит. Но, слава Богу, не стали уркачами. А могли.

Они владеют небольшой кафешкой на пятьдесят посетителей. В деньгах не нуждаются, хотя по своим доходам, похоже, дотягивают лишь до нижней черты среднего класса, если так определить их социально-экономический статус. В том своем кафе исполняют музыку. Но говорить об этом почему-то не хотят.

– Обычная забегаловка, где разливают винчик и подают закусок. А мы с Сашком иногда пробуем там лабать рок-классику. Ничего особенного, – ответил

Юрка, и тень пробежала по его лицу.

– Да забирают у них их рок-кафе! Новая власть пришла и все гребет под себя, – едва ли не выкрикнула тетя Лена, словно нарушив правило не входить в запретную зону молчания вокруг этой темы.

– Как забирают? А я уже приготовился сходить и туда тоже. Надеюсь послушать концерт, – Влад глотнул кофе и оглядел всех за столом.

Лица их стали кислыми. Сашка как-то ссутулился, его тонкий, длинный нос будто вытянулся еще больше, а глаза превратились в две узенькие щелочки.

– То ж я говорю: дайте взятку. Гроши, доллары надо дать им, у райсовете, – сказала мудрая тетя Надя. – Нет таких людей у любой власти, кто не берет хабаря в лапу.

– Мама, я же тебе тысячу раз говорил, что уже давали им! – возмутился Сашка. – Они бабки взяли, но потом сказали, что этого мало. А таких денег, сколько они запросили, у нас нет.

Юрка хмуро вздохнул, посмотрел исподлобья на свою пустую рюмку. Снова взял бутылку коньяка.

– Сына, может, хватить пить? – спросила тетя Лена.

Он налил себе в рюмку и залпом осушил ее.

– На этих скотов у власти нет никакой управы. Бандюки с депутатскими значками – вот кто они! Ничего, мы до них еще доберемся. Я сам Яныка в зону отволоку, там ему место... Ладно, зачем тебе наши проблемы? Ты ведь не для этого к нам пришел.

– Юра, а знаешь что? – спросил вдруг Матвей – нараспев, с сильным английским акцентом.

Матвей стоял возле аквариума, где некоторое время наблюдал за рыбками. Непонятно, что он услышал, что понял в том разговоре взрослых. Но сердце его расслышало верно, что у папиных друзей, которые судя по всему не такие уж

злые, а даже очень несчастные, случилось что-то нехорошее.

Еще Матвею сейчас было приятно видеть папу в этом кругу. Он давно не видел его таким: спокойным, задумчивым и в то же время таким свободным, готовым к любым, самым невероятным, поступкам. В обычные дни дома, в Чикаго, папа всегда какой-то измученный, уставший, часто раздраженный. Сидит за своим рабочим столом, читает, делает пометки в книгах, работает на компьютере. Такой разве прыгнет с крыши, разве пойдет охотиться на диких кабанов?

А вот сейчас, рядом с дядей Юрой и дядей Сашей, папа словно помолодел. Часто смеется, хлопает друзей по плечам, а они его.

– А давайте мы сейчас полезем на крышу, – продолжал Матвей, обращаясь то к Юрке, то к Сашке. – Или пойдем строить плот. Папа мне все рассказывал о вашем детстве.

Не сводя улыбчивых глаз с Юрки, который, надо признаться, ему нравился все больше, Матвей вышел на середину комнаты. Подтянул повыше джинсы, ввиду его исключительной худобы постоянно сползавшие. Поднял руки со сжатыми кулачками:

– А еще я знаю, как дядя Алеша с тобой дрался.

Все в комнате умолкли, устремив глаза на ребенка.

Матвей нанес несколько ударов воображаемому противнику:

– Ух ты, дундукович! Ах ты, шакальмасов!

Все засмеялись. Юрка, минуту назад хмурый и мрачный, широко улыбнулся.

Поднялся со стула. Закатал рукава рубашки, обнажив жилистые руки:

– Ну, паря, сейчас я с тобой разберусь!

Вышел на середину комнаты и с поднятыми руками встал напротив Матвея:

– Давай, нападай!..

XXX

– Никаких тайн нет. У нас с Сашком была кафешка – в двух остановках от дома, на Демиевке. Там наливали водяру и вино, подавали закуски. Потом мы купили электрогитару и клавишник, решили вспомнить детство золотое. «Иди сквозь буран. Лети сквозь туман...» Помнишь ведь, помнишь? И молодому поколению – пацанам из района – тоже иногда давали там потренироваться, – рассказывал Юрка, когда они, выйдя из такси, вошли в ворота старого Берковецкого кладбища.

– Контракт наш истекает через три года. Но место, где стоит наше кафе, стало очень выгодным из-за открытой неподалеку станции метро. А в райсовете с приходом падлюки Яныка поменялась власть. Мы-то прежних чиновников подкармливали, отстегивали им бабулины, и они нас не трогали. Прежние довольствовались обычными взятками. Но пришли новые, донецкие, – голодные, как шакалы.

– А я думал, что вы из-за политики страдаете. Спели, может, чего против Яныка?

– Если бы из-за политики, было бы не так обидно. Но в данном случае – исключительно из-за денег. Официально говорят, что наше кафе не соответствует никаким нормам, дескать, это – притон, где орут матерные песни. Думаешь, на месте нашего кафе потом откроют библиотеку? Еще чего! Какой-нибудь ночной стрип-клуб, будут там голые девки танцевать, распространять культуру, – Юрка разразился новым ругательством.

– И ничего нельзя сделать? – спросил Влад.

От всех этих бурных встреч – с друзьями студенческой поры и друзьями детства – голова у него немножко пошла кругом. Все-таки он поотвык от киевской жизни. Будто бы раздвоился. Его американская жизнь сейчас представлялась

далекой и призрачной. Но и он сам, идущий по улицам когда-то родного города, казался себе призраком.

Интересы Юрки и Сашки, их озабоченность рок-кафе, которое отнимали, воспринимались им как мелкие проблемы. Хотя, конечно, понимал и то, что кафе – их бизнес, их хлеб. Они сами построили здание, одолжив деньги под проценты. Наладили бизнес, давали взятки несметной ораве инспекторов и чиновников. Наняли официантов, кассира, водителя с машиной, повара. Еще и пробовали наяривать там рок.

Юрка, значит, не сдался! Жив, курилка. Пусть и седой весь. Есть еще порох в пороховницах. «Садись на змею. Войди в колею-у...»

Перед глазами Влада мелькнула сцена, где в шаманском танце с микрофоном изгибается молодой патлатый Юрка. И Сашка, полузакрыв глаза, нажимает на клавиши, вздрагивая всем своим крупным телом. А в глубине сцены, окруженный барабанами, сидит Влад с палочками в руках. Нажимает ногой педаль бас-барабана. Дух-дух-дух!

Давай, Владя! Давай, Сашок! Юрок, бей по струнам, бей! Не надо бояться, не надо плакать и жаловаться. Верь в себя. А если на минуту усомнишься, зашатаешься, то протяни руку и обопрись на плечо друга. Нет на Земле надежней плечь, чем плечи Юрки и Сашки...

xxx

Шли по дорожкам кладбища, мимо надгробий, гранитных плит и мраморных бюстов. На старых участках даты рождения и смерти, высеченные в камне, были давно почерневшими от времени.

На дорогах то и дело валялись небольшие пластиковые бутылки от пепси или спрайта, согнутые странным образом:

– Это – «уточка», – пояснил Юрка, отшвырнув ногой одну такую бутылку. – У нас здесь так курят коноплю и марихуану.

Он странно дернул ноздрями и прибавил шаг. Нес в руках букет цветов, купленный возле кладбищенских ворот у торговки цветами.

Возле бетонного колодца с водой они свернули на одну из тропинок. Влад шел последним, видел широкую, сутуловатую спину Сашки. Переступал через ветки, лежавшие на пути. Уже вечерело, сероватый свет медленно окрашивал все вокруг. Зажигались редкие фонари.

...Они стояли втроем с пластиковыми стаканчиками налитой водки в руках над могилой дяди Алеши. Шелестели листья березы. С черной плиты смотрел дядя Алеша умными, чуточку улыбчивыми глазами.

И все это – вечер на старом киевском кладбище, какие-то шорохи вокруг, луна в небе – окутывало душу Влада, окунало, погружало ее в бесконечное пространство времени, где они все – он, Юрка, Сашка – звенья одной бесконечной цепи. И вот уже пришел час уходить их отцам... Здесь, в этой земле, покоятся останки того, кто стал для него вторым отцом, кто, сам того не зная открыл Владу множество дверей в мир и сказал: «Иди, иди, у тебя получится, я верю в тебя...»

Влад смотрел на друзей, их лица были уже хорошо различимы привыкшим к темноте глазам. Он чувствовал, что они все – из одного источника, что жизнь по какой-то своей прихоти свела их однажды, соединила. И эта связь не может так легко прерваться, есть что-то выше и сильнее наших желаний и наших поступков...

– Вот, батя, и Влад к тебе пришел, видишь. Ты в нем не ошибся... Ах, да, блин! – Юрка вдруг хлопнул себя по лбу, едва не пролив водку из стакана. – Тебе же батя книги оставил, пять томов этого, как его... Норова. Ты когда-то им зачитывался. Заберешь их у меня. Мы же еще с тобой увидимся?

– Конечно.

Они выпили водку. Юрка поправил в банке поставленные цветы. Погладил

рукой гранитный камень, сбросил с ребра какой-то прилипший комочек. Вдруг прижал руки к своему лицу и стал тихо вздрагивать.

– Юрчик, Юрчик, не надо, не надо, брат, – Сашка стал хлопать его по плечу.

Влад тоже подошел, обнял Юрку с другой стороны.

– Да, да... Жизнь наша, видите, как бежит, – сказал Сашка.

Юрка отнял руки от своего лица. Глубоко и свободно вздохнул, как будто сейчас что-то решил для себя. Наконец разрешил что-то важное, мучительно лежавшее на его сердце долгие годы.

Повернулся к Владу и вдруг обнял его. Так сильно обнял, стиснул, словно хотел раздавить в объятиях...

Глава 11

Влад с Матвеем остановились возле дома на Андреевском спуске под номером 13. Влад сказал, что в этом доме сто лет назад жил Мастер, написавший немало замечательных романов.

Жаль, что Матвей имени этого писателя-Мастера не запомнил, потому что его внимание в тот момент отвлек черный кот, вынырнувший из раскрытого окна того дома под номером 13. Кот прыгнул на водосточную трубу.

– Мр-ря-у! – и к самым ногам Матвея.

– Бегемот! Папа, смотри, наш Бегемот! – воскликнул Матвей.

И вправду, этот кот был поразительно похож на чикагского, бездомного, которого Матвей кормил по утрам рыбками. У него тоже было белое пятнышко на передней правой лапке и белый элегантный галстук на груди. Приблизительно тех же размеров, что и чикагский Бегемот. Только тот, чикагский, хоть и бездомный, все же был толстоват и немного ленив, а этот, киевский, худощав, подвижен и, кажется, очень дерзок.

Кот увязался за ними и шел следом по всему Андреевскому. Потом они с папой сидели в открытом кафе. Матвей кормил нового Бегемота кусочками котлетой из гамбургера.

Папа спрашивал, не скучает ли Матвей по дому, по маме. Сказал, что осталось два дня «памолвничества» – и домой, в Чикаго.

Матвей гладил кота. Кот, когда на его спину легла ладонь ребенка, выгнулся весь, вытянул шею и заурчал: мр-р... мр-р... Один глаз у него был зеленый, а другой – чуточку синеватый. Он явно блаженствовал, и по всему было видно, что с Матвеем расставаться не собирается.

Все-таки, как бы ни был забавен кот, сердце Матвея обливалось кровью. В своем воображении он видел гору, на вершине которой стоит красивое, как дворец, рок-кафе. И на эту гору с грозным рычанием ползет чудовищный экскаватор с опущенным железным ковшом. Густой едкий дым вылетает из его выхлопных труб...

Сидя на корточках, Матвей гладил пушистое брюшко кота. В голове его вдруг начало мутиться – то ли от усталости, то ли от дыма воображаемого экскаватора, то ли из-за перемены погоды, – вокруг стало пасмурно и очень душно. До уха Матвея отовсюду доносились непонятные слова: «отож», «гнидаянык», «трэнд-брэнд», «во бля»...

Кот вдруг выпустил когти и царапнул так, что на руке Матвея протянулась красная полоска и выступила капелька крови...

«...Дерзкий Кот потом вскочил на лапы и широко разинул пасть, показав острые клыки. В считанные секунды он вырос до человеческих размеров.

– О`кей! Бежим! – решительно промолвил Матвей и ринулся следом за Котом.

Джинсы оказались слишком тяжелыми для бега по столь гористому городу.

Матвей не видел ничего перед собой: ни машин, ни троллейбусов, ни супермаркетов. Ничего, кроме черного хвоста Кота, несущегося по дороге.

Где-то далеко, в посеревшем небе, сверкнули молнии, и через несколько мгновений над городом ударили сильные раскаты. Ветер задул сильнее, закачались голые ветки деревьев, с земли в воздух взметнулись листья.

Запыхавшись, Матвей добежал до каменных стен с деревянными воротами. Стены возле ворот были покрыты фресками святых мужей в черных рясах. Ворота, однако, были закрыты, и вокруг – никого.

Досадливо Матвей посмотрел, нельзя ли как-то пробраться внутрь, но монастырские стены были слишком высоки для него.

А Кот приблизился к воротам и жалобно замыкал. Потом жестом подозвал Матвея. Подтянув штаны, Матвей подошел к воротам и потянул на себя железное кольцо.

О чудо! – одна створка с веселым скрипом отворилась. Кот юркнул в образовавшуюся щель, за ним и Матвей.

Здесь, в монастыре, провожатые ему уже не были нужны. В Лавре он знал все. Зря, что ли, мама столько раз читала ему перед сном Киево-Печерский патерик? А с папой вчера спускались в пещеры – в Ближние, к Антонию, и Дальние, к Феодосию.

Миновав высоченную колокольню, верхушку которой Матвей так и не увидел, сколько ни задира голову вверх, подошел к небольшой кирпичной арке под крестом.

Кот все это время бежал рядом. Но, оказавшись перед этой аркой, вдруг ошетинился, стал пускать искры из глаз, поднял хвост трубой. Затем обиженно помяукал и, отойдя в сторонку, улегся на земле.

...Темно в пещерах, сыро, страшно. Матвей спускался по ступенькам ниже, ниже. Ни звука, только глухое эхо его шагов бежало впереди него в подземных

лабиринтах.

Но вот, из глубины круто спускающегося тоннеля стал сочиться слабый свет. Матвей направился туда.

– Здравствуй, чадо, – раздался вдруг мужской голос.

– Здравствуйте, – ответил Матвей, входя в келью, где на вырезанной в земле «скамье» сидел старый черноризец.

Голова его была покрыта черной схимой в белых крестах, длинная седая борода достигала старцу едва ли не до пояса.

В земляную стену вверху был вделан железный крюк, на котором висела зажженная лампада. Перед старцем на столе стояла деревянная уточка с чернилами, лежали какие-то заостренные палочки и толстая книга.

– Что привело тебя ко мне? – спросил старец, взяв в свою правую руку большой железный крест, висевший на его груди.

Матвей раскрыл рот, но растерялся, не нашелся сразу с ответом.

– Юрка, Сашка... Рок-кафе... – промямлил он.

Старец понимающе закивал головой и вздохнул:

– А я-то думал, что ты пришел покаяться. Покаяться в своих грехах, – покряхтывая, старец поднялся и поправил в лампаде фитиль, отчего в пещере стало ярче и блики запрыгали веселей.

Приблизившись, протянул Матвею крест.

– Говори, чадо, – повелел суровый черноризец, когда Матвей поцеловал крест.

Смущенный, стоял Матвей:

– У меня по математике плохие... не очень хорошие оценки. Дробы проклятые... Ленюсь. Не дорабатываю, – промолвил он тихо.

– Понятно, – отозвался старец.

– Еще я не убираю в своей комнате, там вечно все разбросано и раскидано.

Очень много смотрю телевизор и играю в компьютерные игры. Еще верчусь и кручусь, когда прислуживаю в алтаре...

– Плохо. Очень плохо.

– Еще... Я подделал мамину подпись за контрольную, где стояла плохая оценка!

– У-у, великий грех – подделывать родительские подписи! – старец с таким сокрушением покачал головой, что Матвей едва не сгорел от стыда. – Нужно тебе, чадо, сначала заняться исправлением своего сердца.

...Кто знает, сколько прошло времени, может, минута, а может, и год.

И ходил Матвей по пещерам, встречаясь со всеми лаврскими угодниками. И помогал им носить воду из колодца, и рубил дрова в лесу, и лечил вместе с Агапитом больных, а с Алипием писал иконы и расписывал церковь нашу Успения Пресвятой Богородицы. И пряд нитки, чтобы сшивать книги для Нестора, и каждое утро приносил затворнику Исаакию ржаной хлеб.

И приходили потом к Матвею князья и бояре, крестьяне и холопы. И всех их поучал Матвей как праведно и честно жить, не воровать и не врать.

И вот настал час Матвею уходить. Потому что непорядок в городе. Нужно помочь брату Юрке и брату Сашке.

В последний день собралась вся братия славного монастыря. Все целовали Матвея и кланялись друг другу до земли.

Покидая Лавру, снова пришел он к тому затворнику, в пещеру под землей.

Старец выпил из кувшина сырой воды и отщипнул от ломтя хлеба крохотный кусочек. Долго и тщательно жевал.

А Матвей, исправленный сердцем, стоял перед ним, смотрел на грязные, в загрубевшей коже, ноги старца, выглядывавшие из-под ветхой рясы.

– Иди, чадо, за Котом на Бессарабский рынок, – промолвил старец, который был прозорливцем и ему не надо было задавать никаких вопросов, он и так все

знал. – Туда сегодня привезли стадо свиней. Ты теперь имеешь над ними полную власть и не позволишь свершиться беззаконию. Никто не отнимет у твоих друзей рок-кафе. Никто не уничтожит наши святые горы и нашу землю! Ступай, чадо, да хранит тебя Иисус Христос, Бог наш, – улыбнувшись, старец потрепал Матвея по кудрявым волосам...

– Ви-и!!!

Свиньи мчались по городу – с Бессарабского рынка в сторону Голосеева. Они то шли классическим боевым клином, то растягивались в шеренгу.

Кот мчался впереди, сильными прыжками перелетал через машины, растягивая в воздухе свое прекрасное, гибкое черное тело.

Матвей бежал сзади, больно стегая прутом отстающих ленивых свиней, хвосты которых были закручены кренделями.

Движение машин во всем городе было нарушено. Повсюду возникали заторы. Сначала думали, что причина тому – президент, который возвращается из своей загородной резиденции или едет черт знает куда, по важным державным делам. Но потом разобрались, что в этот раз президент, как ни странно, ни при чем, – пробки возникли из-за свиней и кота.

– Ви-и-и!!! We-e!!! – оглушительный визг разносился по всем улицам.

Свиньи протискивались между стоящих машин и автобусов, сталкивали на обочины лимузины и мотоциклы, сносили киоски...»

– We are the champions... – шептал Матвей, глаза которого слипались, веки тяжелели, тяжелели.

Выпустив из пальцев ручку, упавшую на исписанную страницу, он тихонько лег на большую мягкую подушку на диване. Свел ладошки вместе, подложил их под щеку. Сквозь сон слышал папин голос из соседней комнаты. Затем шаги босых папиных ног по паркету...

Влад осторожно занес ноги спящего Матвея на диван. Снял с ребенка джинсы, оставив его в футболке и трусиках. В комнате было тепло.

Потом взял с подушки раскрытую тетрадку, приблизив ее к горячей настольной лампе. Пробежал глазами по тексту.

Его ждали в соседней комнате, где за столом сидели его двоюродная сестра и свояк, пили вино и разговаривали.

Из того, что Влад наспех прочел в писаниях сына, понял, что речь шла о Матвее и Коте. На первой странице они вдвоем куда-то бегут под дождем, а на последней какие-то свиньи несутся по городу и поют: «We are the champions!»

«Н-да, у ребенка явные писательские задатки. Галя права – нужно отдать его в литературную студию».

– Мистер Влад, сколько тебя можно ждать? – раздался мужской голос из соседней комнаты.

Закрыв тетрадку и выключив настольную лампу, Влад пошел туда.

Глава 12

Две недели стояли на удивление теплые дни. Спасибо циклону, принесшему в Киев из далеких ближневосточных пустынь вместе с теплым воздухом и необычные цвета, и запахи, придавшие древнему городу еще больше очарования.

Смену времен года, однако, никто не отменял. Уже по утрам заметно пробивал холодок, повсюду исчезал таинственный багрянец.

Путешествие Влада с сыном практически закончилось, завтра обратно в Чикаго.

Влад повидался с приятелями студенческой поры. В каждом доме устраивали ему настоящий царский прием – с суши, лазаньей и, конечно же, молочным поросенком под хреном.

В истории и археологии никто из них, правда, не остался, все живут современностью. Стас свою знаменитую бороду давно сбрил – нынче он редактор электронного политического журнала. Другой приятель нигде не работает, строит загородную виллу на деньги миллионерши-жены. Совершенно дикая история с третьим приятелем из их студенческой компании – Костиком: он спился, неизвестные люди выбросили его из окна, а потом завладели его квартирой...

Порадовала встреча с Тамарой Владимировной, доцентом кафедры. Конечно же, она отлично помнила студента Влада Мостового, писавшего под ее руководством дипломную работу. Она пригласила Влада на свою лекцию и дала возможность выступить перед студентами. Интересная встреча с племенем молодым, незнакомым...

Потом они вместе с Тамарой Владимировной сидели вечерком на кафедре. Вспоминали времена прежние и говорили о временах нынешних. Тамара Владимировна разговаривала с Владом уже не как со студентом, а как с коллегой – молодым, начинающим ученым: «Кто знает, Влад, может, вы еще когда-нибудь приедете к нам в Киев, по контракту, читать нашим студентам лекции».

Влад тогда и сам впервые поверил в то, что станет ученым.

Узнав о его конфликте с научным руководителем, Тамара Владимировна предложила свою помощь. Защищать иностранному студенту докторскую диссертацию заочно – на такое в Киеве вряд ли согласятся. Зато в Ирландии, в Университете Дублина, работает один ее знакомый – доктор исторических наук, византист. Она готова с ним поговорить о Владе.

Выпили с ней по рюмке коньяку на прощанье. Удачи Вам, будущий профессор!..

– Ты себе не представляешь, как все это было. Приходим мы с Сашком в райсовет, к тому чмырю, который нам все время отказывал и говорил, что, дескать, наше кафе не соответствует никаким стандартам и будет снесено. Вдруг он вежливо предлагает нам кофе и печенье. И начинает странный базар: «Юрий Алексеевич и Александр Викторович. Мы в райсовете еще раз внимательно просмотрели подзаконные акты, проверили существующие нормы и пришли к заключению, что ваше кафе может работать и дальше, только нужно там кое-что исправить». Ну это он, понятное дело, на хабаря намекает. Мы с Сашкой киваем головами, а я тем временем из кармана достаю конверт с бабулинами. Он конверт, конечно, берет и продолжает уже начистоту: из-за того, что наше место теперь стало очень выгодным и потому что там крутое казино хотят строить, рано или поздно на нас все равно наедут и заставят оттуда убраться. Так он предлагает нам лучше уйти сейчас, но с денежной компенсацией от города. Мы с Сашкой от всего этого, конечно, ох...ели, как будто живем не в Киеве, а в твоей Америке, где все по закону. Но виду не подаем, а продолжаем сидеть на умняке. Под конец сказали ему, что должны подумать над его предложением. Вот так, Владя, бывает у нас. Чудеса! – с этими словами Юрка повернул ключ в замке, и дверь отворилась.

Втроем – Сашка, Юрка и Влад – вошли в новую Юркину квартиру.

Это был последний вечер Влада в Киеве, и он решил провести его с друзьями. Обязан это сделать. Ради этого, собственно, и приехал.

– Вот мои однокомнатные апартаменты. Входи. Не смотри, что здесь сейчас такой бардак. Мы же с Сашком готовились к «эвакуации», поэтому все вещи из кафе унесли. Большую часть закрыли в гараже у Руслана, ты его не знаешь. А то, что не вместились, пришлось принести ко мне.

Апартаменты были явно не предназначены для хранения такого большого количества вещей: какие-то кастрюли, стеклянная посуда в ящиках, колонки, усилители, ящики с коньяком и водкой, целлофановые упаковки с пепси-колой –

лежали повсюду так, что не было куда ногой ступить.

Стены в комнате были украшены плакатами западных рок-кумиров. Музыканты – в экстравагантных одеяниях, с микрофонами и гитарами. Некоторые плакаты Владу были знакомы – висели когда-то в квартире Юрки.

Фото в рамочке, отдельно ото всех – белокурая Юлия. Уже не двадцати двух, а, пожалуй, на фотографии – тридцати пяти лет. Но по-прежнему чертовски мила.

И незабываемое фото: «Византийцы» на сцене.

– А это – моя старушка, узнаешь? – Юрка вытащил из пространства между диваном и стеной шестиструнную акустическую гитару.

Прижав к груди, бренькнул по струнам, и старушка отозвалась звонким, медленно тающим в тишине: тр-ре-ень...

– Наши новые инструменты – мой «Фендер Стратокастер» и клавишник – у Сашки дома, чтобы в этом бардаке не повредили их, – он вернул гитару на прежнее место.

Улыбнулся. Настроение у Юрки и Сашки было, разумеется, превосходное. Еще бы! По непонятным причинам все благополучно разрешилось – кафе оставляют. И в случае, если они с Сашкой согласятся, им дадут денежную компенсацию и другой участок земли в аренду, в хорошем, оживленном месте.

Значит, концерт продолжается! Можно звонить официанткам, повару, кассирше. Заказывать харчик, винчик и коньяк, нести назад и подключать аппаратуру.

– Эх, жаль, что ты уезжаешь в свою Америкку, не посидишь в нашем кафе, не послушаешь наше выступление. Мы бы в честь дорогого гостя дали специальный гала-концерт. Так бы грохнули, чтобы стены задрожали. И накрыли бы поляну, как для императора, – сказал Юрка, не сводя с Влада глаз.

После того вечера на кладбище, когда на могилу дяди Алеши положили цветы, Юрка смотрел на Влада как-то по-новому, часто улыбаясь, будто бы увидел

в нем нечто такое, чего не замечал раньше, и теперь не может им налюбоваться. Часто хлопал Влада по плечам, подталкивал его легонько локтем под грудь, подмигивал. И Влад улыбался ему в ответ.

– Зачем же чего-то ждать? Мы поляну накрыть можем и сейчас, императорскую. Какие проблемы? – вмешался Сашка, очнувшись при слове «поляна».

Он потрогал пальцем кончик своего длинного острого носа, словно проверяя, не потерял ли тот нос свою остроту и свою чуткость ко всем важным событиям. Затем у одного из ящиков – хлоп-хлоп – подорвал картонные створки и вытащил большую бутылку:

– «Борисфен», очень классный коньяк. Или ты, как настоящий американец, пьешь только виски с содовой?

– Нет, нет. Пью все подряд, даже чачу и самогон, – ответил Влад, когда они, протискиваясь между кастрюль и коробок, направились в кухню. – Вот странно, в Чикаго я почти не пью, раз в месяц, может, два – раздавим с женой бутылку вина на двоих. Даже от стакана красного становлюсь косым. А тут – пью водку и коньяк утром, днем и вечером. И – ничего, трезвый.

– Так у тебя же какая закалка! Ты же вырос в нашем дворе, – пояснил Сашка, доставая из холодильника закуску.

Юрка включил магнитофон: старые записи – «Роллинги», «Квин», «Дорз». Ну и «в честь праздника» распечатал упаковку дорогой марихуаны, которую, по его словам, хранил для исключительных событий.

Выпили несколько рюмок коньяку. Хрустели соленые огурцы, яблоки, шипела минералка. Влад расспрашивал об одноклассниках, о соседях, что с ними, кто из них еще живет в их доме и кто жив вообще. Попытался побольше разведать у Юрки о его «пожизненной герлфренд», но, как и прежде, когда речь заходила о «божественной Юлии», Юрка от прямых ответов уходил.

– Ты, Владя, об этом задавай поменьше вопросов. Лучше готовься в следующем году ко мне на свадьбу приехать, – увильнул Юрка. – И Матвея своего тоже привези.

– А диссертацию, не сссы, поможем тебе написать, – заверил Сашка, закуривая.

Стояли на балконе. Юрка священнодействовал над травой: отсыпал из упаковки зеленоватые крошки на листик специальной бумаги и скрутил в сигарету.

– А я считаю, что лучше пить, чем курить эту дрянь. Известно: начинаешь с травы, а заканчиваешь маковой соломой. Сколько у нас за последние годы народу снаркоманилось – не перечесть, – говорил Сашка.

Влад тем временем, под Юркиным инструктажем, попробовал «протащиться от травы». Вдыхал горьковатый дым, но у него не получалось как надо. Заходился в кашле:

– О-о... А-а...

Заботливый Сашка хлопал его по спине своей лапой.

Чудесная ночь лежала на городских улицах. С балкона на семнадцатом этаже открывалась панорама всего уснувшего района. Вдали слева темнели холмы, ведущие к древнему Китаево, а справа, за крышами домов, темным ковром расстился Голосеевский лес, с его ручьями и горками.

Катались там когда-то на лыжах и санках, спускались по крутейшим скользинкам, летели кубарем в снег...

Вот так, жизненные горки, крутые горки юности, опасные. Всем по ним спускаться, да не каждый может устоять на ногах. Одно неловкое движение, один подлый, невидимый бугорок – теряешь равновесие, подлетаешь в воздух и так шлепнешься, что и костей своих не соберешь...

Юрка вдруг захотел показать, какие гитарные ходы недавно освоил. Притащил из комнаты свою шестиструнную «старушку». Его длинные пальцы

забегали по грифу. Лицо Юрки тоже моментально пришло в движение – корчил гримасы, то восторженные, то страдальческие. Исполнением своим в итоге остался недоволен, расстроился, как ребенок, и его пришлось утешать.

Снова пили коньяк, говорили о «чуде» спасения кафе. Все уже были пьяны. Влада в одночасье как-то сморило, на него словно навалилась тяжелая усталость и апатия. Он уже хотел прощаться, один раз даже обмолвился насчет вызова такси. Но с такси как-то замяли, решив выпить еще раз «на коня».

Но странным образом, после недолгого помутнения, в голове Влада неожиданно прояснилось. Как будто вспыхнул свет вокруг, все очертания стали четкими и ясными. Быть может, так подействовала марихуана в сочетании с алкоголем. И усталость, побежденная, отступила. Влад ощутил такой прилив юношеских сил, какого не помнил давно.

Он засмеялся глуповатым смехом, безо всякой причины. Посмотрел в открытый дверной проем балкона, за которым плыла осенняя ночь.

– Пацаны, у меня к вам есть одна просьба. Вы можете исполнить одно мое желание? – спросил он громко, не переставая улыбаться глупой улыбкой.

– Исполнить твое желание? Ты что, шутишь? Заказывай все что хочешь! Любое бухло. Или хочешь девочек по вызову? Так это мы легко.

– Нет, все это ерунда. Пошли погуляем. Хочу... – он осекся. Затем кашлянул в кулак. – Хочу пойти туда, где мы в ту ночь...

Юрка с Сашкой переглянулись.

– Ну если так хочешь... Можно пройтись и по местам боевой славы. – Юрка посерьезнел, пьяное благодушие вмиг сошло с его лица.

Сашка сжал плотно губы и покосился на Влада:

– Все верно. Все правильно делаешь.

Они пошли по ночным безлюдным улицам. Фонари струили рассеянный свет. Вдали, у главной дороги, ярко горели окна ларьков и ночных магазинов, где

продавали сигареты и спиртное.

Быть может, ночь и была холодной, но после выпитого Влад не чувствовал холода. Его джинсовая куртка была расстегнута.

Они обогнули несколько новых высотных домов, прошли мимо гаражей.

– Вот тут, помнишь, мы встретили первого, – сказал Сашка, остановившись.
– Попросили у него закурить. Помнишь, как ты подкатил к нему: «Дядечка, вы случайно не скажете, где находится Византия?» Мы его хорошо отделали... Но, к счастью, он к ментам не обратился.

Сашка щелкнул зажигалкой и закурил:

– Да, много мы в ту ночь наделали глупостей. Много. Столько горя причинили и себе, и родителям. Кстати, и тем людям, кого побили, тоже. О них, правда, я долгие годы совсем не думал. Только недавно как-то случайно мысль пришла в голову: ведь они тоже ни за что пострадали. Прикинь: идет себе человек ночью один по улице. Может, горе у него какое или радость. Или жена в роддоме рождает. Или умирает отец. И тут – какие-то ссыкуны пьяные лезут в драку. Ох, дурачье, дурачье... – Сашка выпустил струю дыма. – Что, пошли дальше?

Остановились в конце небольшого скверика.

– А здесь мы тормознули второго, того, кто сразу побежал к мусорам и фигурировал на суде как пострадавший. Мы вместе с тобой, Владя, шли по одной статье за него. Помнишь, как его звали?

– Конечно, помню.

– А Юрчик в то время погнал вперед, увидел там, вдали, последнего, третьего.

Влад вытер покрывшийся испариной лоб.

Он будто сейчас, на этом самом месте, где росли те же деревья и стояли те же дома, и пахло той же сырой землей, и такими же опавшими листьями, возвращался к себе, в свою далекую юность, к тому Владу, с кем когда-то

расстался и кого столько лет тщетно искал.

– Что, пошли туда, на пригорок? – тихо спросил Сашка, не сводя с Влада прищуренных глаз.

– Да-да... Вы идите, а я здесь постою немного. Подойду через минуту, – ответил Влад.

– Дай человеку сходить до ветру, – сказал Юрка, засовывая руки в карманы. И пошел на тот пригорок. И Сашка следом за ним.

Всё они помнили – Юрка и Сашка – до последней мелочи той ночи. И всё следствие, и суд. Да как же им – Юрке с Сашкой – забыть такое? Нет, такое не забывается – семь и шесть лет в лагерях усиленного режима!

А Влад не помнил из той ночи главного. Ведь жил он далеко, аж в Америке, за океаном, и прошло уже столько лет, и слишком многое изменилось, и воды утекло в Днепре столько, что обмелела еще больше старая река.

Не помнил и не хотел помнить. Он был занят семьей, диссертацией.

Но сейчас он слышал, как затикали незримые часики над его головой. Тикают, отсчитывая с этой минуты новое время – и для него, и для его друзей.

Глотая холодный воздух, он словно бы снова видел ту сцену: вон, на пригорке с каменной лестницей, Юрка остановил какого-то прохожего. Сашка, подойдя к ним, толкнул мужчину в грудь. Завязалась драка.

Влад в это время стоял здесь, на углу скверика. Застегнул ширинку и побежал туда, где мужчина, уже сбитый с ног, лежал на земле. Сжавшись в комочек, прикрывал себя руками, чтобы защититься от ударов напавших на него.

И красивые часы с позолоченным браслетом блеснули у него на руке.

Какая сила? Какая?! – толкнула Влада на это?! Хотел ли «наверстать упущенное» – мало участвовал в других драках этой ночи?

Подбежав, он с разгону ударил мужчину ногой по лицу. Наклонившись, сорвал с его руки часы. На миг даже сам испугался этого своего поступка.

Но был пьяным, и был героем.

– Пацаны, бежим!

И втроем ринулись прочь, не предполагая, что окажется этот безобидный пригорок крутейшей горой...

Нет, нет, все-таки не обыграл Влада на допросах тот следователь, не обыграл. Первую партию – дело по хулиганству с дракой – правда, уступил ему Влад, рассказал все как было. Зато вторую партию – дело по ограблению – выиграл. Потому что имел Влад надежное алиби. Верно просчитал тогда всё и расставил фигуры в правильной позиции для защиты.

Вспомнил, что после драки Юрка взял себе те злосчастные часы, чтобы похвастать ими перед своей белокурой зазновой. Не признал Влада на очной ставке и потерпевший. Потому что не видел его, а видел только двоих – Юрку и Сашку. Они били. Они и часы сорвали. Их и в тюрьму, грабителей.

Воспользовался Влад во время допросов одним абсолютно не шахматным приемом: забыл весь этот маленький эпизод, забыл напрочь, усилием воли. «Не был, не видел, не помню». И не было против него никаких прямых улик.

Правду знали только двое. Но Сашка говорил только о себе, о друзьях тоже многого «не помнил». А Юрка вину Влада в ограблении взял на себя. Вот преступление и раскрылось.

Ровно двадцать лет потом жил Влад и не помнил. Не хотел помнить.

Он закрыл глаза. Какие-то яркие звездочки замелькали перед ним в темноте...

А ведь все могло произойти иначе. Если бы не его мерзкая выходка с часами, все бы закончилось не так трагично, в тюрьму, может, никто бы и не сел. Но коль скоро он это сделал, то не Юрка и Сашка, а в первую очередь он, Влад, должен был семь лет сидеть в зоне, с пришитым номером на черной робе, покрываясь лагерной коростой. И не было бы для него никакой академии. Никакой Америки. И

никакой Византии.

Так должно было произойти по всем законам. Но Кто-то свыше распорядился иначе...

Медленно Влад пошел туда, на пригорок, где замерли два темных силуэта.

– Вот здесь, на этом самом месте... – Юрка засопел.

– Да. Я помню. Все помню, все, до последней мелочи. Помню даже, что те часы «Армани», когда я их снял, показывали начало второго, – сказал Влад.

И странно было видеть троих молодых мужчин на том пригорке, ночью, разговаривающих о чем-то вполголоса.

– Много ненависти я носил в себе, много лет, – тихо, но твердо сказал Юрка. – Аж задыхался в ней, в той ненависти. И себя ненавидел, что взял на себя чужую вину. И следователя ненавидел за то, что обманул, пообещав мне за «чистосердечное признание» малый срок. И мусоров ненавидел, которые били меня в камере, выколачивая «чистосердечное признание». А больше всех, Владя, тебя...

Юрка недолго помолчал. Затем положил свою руку Владу на плечо:

– Но хорошо, что ты приехал. Хорошо, что не забыл ничего. Носил в себе вину много лет, значит, тоже страдал. И сын у тебя классный, я просто влюбился в него... Я тебя простил, простил, Владя, когда мы вместе к папе на могилу пошли...

– Помолчал. – Жизнь короткая, очень короткая. С годами это лучше понимаешь. А людей близких очень мало, и чем дальше живешь, тем меньше их остается на Земле. Все мы друг другу нужны. Сегодня, видишь, тебе было плохо, ты к нам пришел. Завтра нам будет плохо, мы тебя попросим о помощи. Да, Сашок?

Сашка, плотно сомкнув губы и нахмурившись, долго не отзывался:

– Ненавидеть, любить, прощать. Да-а... Нынче сложные пошли времена: у одних есть бабло, у других полезные связи и знакомства, у третьих еще что-то. А я так себе думаю: когда-то мы росли в одном дворе и у нас ничего не было – ни

денег, ни связей. Мы просто дружили... – он приподнял голову и посмотрел куда-то вдаль. Вдруг криво улыбнулся и запел:

– Садись на змею,
Входи в колею,
В морях и пустынях...

– Ищи любо-овь сво-ою-у! – закричал Влад, накрыв плечи друзей руками и едва не запрыгивая на них.

xxx

Утро отъезда.

Влад сидел на кухне со свояком. Голова раскалывалась нестерпимо. Сколько же они втроем выдули вчера-то? И вот утром – расплата. Ему хотелось попросить у родственника аспирина, но было как-то стыдно.

– В котором часу ты пришел? Во даешь. Я даже не слышал, как ты дверь открыл, – свояк бросил на Влада внимательный взгляд. – Хлебни пивка, полегчает. Предлагаю один раз.

– Нет, не надо. Я же не алкоголик, чтоб опохмеляться с утра.

За окном моросил дождик. Серо, пасмурно.

– Тогда терпи. Извини, что не могу тебя отвезти в аэропорт. Никак не получается. Работа. Sorry.

– It's okay, – ответил Влад тоже по-английски.

Уже дорожное настроение потихоньку овладевает им. Постепенно отступают силуэты Киева, его холмы и кручи над Днепром, купола церквей и старые парки.

А откуда-то издалека медленно, словно призрак, надвигается, наплывает город Чикаго, с его небоскребами, с грохотом, полицией, банками...

А там – Галя, она наготовила им вкусной еды. Наверное, двадцать раз

проверила онлайн, не задерживают ли рейс.

– Спасибо тебе, что помог моим друзьям с их рок-кафе. Чуть не забыл тебе рассказать... – Влад едва не хлопнул себя по лбу, но вовремя вспомнил про головную боль. – Их двоих пригласил к себе какой-то чинуша из райсовета, долго перед ними расшаркивался, называя их по имени-отчеству. И сказал, что все в порядке – кафешку никто трогать не будет. А если паны-бизнесмены согласны, то они могут получить хорошую денежную компенсацию и землю в аренду под другое кафе. У друзей моих от такого поворота – глаза на лоб. Хабаря в лапу, конечно, они ему всунули. Но понять не могут, что за чудо такое случилось. Я им тоже ничего не сказал о тебе.

– *Dura lex, sed lex*, – произнес свояк на латыни. Когда-то в МГУ он изучал латынь, чем очень гордился, и не упускал возможности этими своими знаниями блеснуть. – Закон суров, но это закон. Не стоит благодарности. Когда имеешь связи в Кабмине, то многие проблемы решаются в долю секунды. Да и дело-то чепуховое.

– Да, ты прав. Дело чепуховое...

Задумавшись, Влад посмотрел на своего родственника, сидящего в роскошном интерьере просторной кухни. Затем бросил взгляд в окно, где длинная аллея молодых деревьев вела к набережной.

Ему почему-то на миг стало грустно. Грустно, сам не знает, отчего. Оттого ли, что время уезжать. Или оттого, что жизнь слишком скоротечна, не ведает наших условных делений. Каждую минуту уходит куда-то, в таинственную Вечность, становясь то ли нашим прошлым, то ли будущим. И оно ждет нас где-то, зовет к себе, зовет...

.....

Большой, черный чемодан, застегнутый на все молнии, лежит на полу в гостиной. К ручке чемодана привязаны две яркие «опознавательные» ленточки.

Матвей, вытянув ноги, сидит на чемодане. Рассматривает небольшую свежую царапину на запястье правой руки, оставленную острым когтем кота на Андреевском спуске.

– Что, сын, закончилось наше паломничество? Такси будет через десять минут, – войдя в комнату, Влад набрасывает на свои плечи плащ.

Матвей, обрадовавшись, быстро поднимается. Поправляет на себе ветровку, несколько великоватую ему в плечах.

– Соскучился по маме? – спрашивает Влад.

Удивленно сводит брови: подрос сын, что ли? То ли волосы у него отрасли за эти две недели, то ли весь он немножко вытянулся?

– Да, соскучился, – признается Матвей.

Но стоит не двигаясь с места. Как будто бы чем-то расстроен или хочет сказать что-то архиважное, но не знает, с чего начать.

– Ты что, сынок, расстраиваешься из-за того, что мы не купили тебе DSI? Что поделать, если цены на электронику в Киеве гораздо выше, чем в Чикаго. Но за то, что ты так хорошо себя вел все это время, сочинял интересные рассказы и смело ходил по пещерам Лавры, я добавлю тебе пятьдесят долларов, и дома купишь себе любой DSI, какой сам выберешь. Договорились?

Матвей согласно кивает головой.

Влад поднимает чемодан, вытягивает из пазов длинную ручку.

– Папа, а знаешь что? – спрашивает Матвей нараспев.

– Что?

– Понимаешь... та модель DSI уже все равно устарела... – лицо Матвея выражает сущую муку. По всему видно, что в сердце ребенка происходит чудовищная борьба. Он гладит пальцем кровавую царапину на своем запястье. Наконец лицо его расплывается в улыбке. – Лучше я сначала куплю себе маленького черного котика...

Повесть написана незадолго до событий на Майдане 2013-2014 гг.